

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БАЛЛАДА

Дмитрий Леонтьев

Любимый детектив

Дмитрий Леонтьев

Петербургская баллада (сборник)

«ВЕЧЕ»

2017

Леонтьев Д. Б.

Петербургская баллада (сборник) / Д. Б. Леонтьев — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7746-1

Современный петербургский писатель Дмитрий Борисович Леонтьев – признанный мастер в жанре мистики и детектива. Вот и его книга «Петербургская баллада», разрушая стереотипы, рассказывает о сложной и трудной работе одного из самых необычных подразделений МВД, известного в народе как «полиция нравов».

ISBN 978-5-4484-7746-1

© Леонтьев Д. Б., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Повести	6
Петербургская баллада	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий Леонтьев

Петербургская баллада: повести, рассказы

Знак информационной продукции 12+

© Леонтьев Д.Б., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Повести

Петербургская баллада

7 июля 2003 г. С.-Петербург

Я люблю хорошо отдохнуть. Когда работаешь тяжело и головой, и руками, и нервами, требования к отдыху возрастают втрое. Я до мельчайших деталей продумал несколько вариантов чудесного, желанного, барски-изысканного отдыха. Я точно знаю, что буду делать в первый день, во сколько вставать во второй, что заказывать на ужин в третий, и так до конца, до самого последнего дня. Конечно, варианты разнятся: от круиза на теплоходе по рекам России и до безделья на заснеженной турбазе, где-нибудь в сосновом лесу, но каждый из этих вариантов продуман, спланирован и просчитан едва ли не поминутно.

Дело в том, что я не отдыхал уже более шести лет. Нет, разумеется, свободные от работы дни у меня были, но свободные дни и отдых несколько отличаются друг от друга, если ваша жена – бизнесвумен, а дети наводят ужас на учителей в третьем и пятом классах. Видели рекламный плакат о «малом бизнесе» – о забавной рыжей белочке в огромном колесе? Это моя жена: рыжая, забавная и чертовски упрямая. Сыновья пошли в нее не только внешностью, но и характером.

Дома у нас всегда шумно, весело илюдно. Довольно странно, что все мы по-настоящему любим друг друга и почти не ссоримся. Странно – потому что больше всего на свете я люблю покой и тишину. Я с детства был очень тихим и ленивым ребенком. Я не любил играть в футбол и занятиям спортом предпочитал чтение книг. Я долго сторонился женщин, и друзья были шокированы, когда увидели мою избранницу. У нее очень яркая, вызывающая красота и столь же яркий, искрометный характер. Она пришла на юрфак тремя годами позже, и половина сердец в институте была сожжена заревом ее волос.

Никто не верил, что наш союз продлится больше полугода... года... пяти лет... И вот в прошлом году мы отпраздновали десятую годовщину нашей свадьбы. Мы с ней подтверждение старой догмы о тех противоположностях, которые иногда находят друг друга. Мы настолько разные, что не можем обходиться друг без друга. Я ниже ее на полголовы, стесняюсь не только что-либо продавать, но и торговываться о цене на рынках, а еще я люблю готовить и рассказывать детям сказки. Теперь вы поняли, кто чем занимается в нашей семье?

О, нет-нет, не оскорбляйте меня обвинениями в недостаточности мужества или подкаблучничестве. Просто каждый из нас занимается тем, что больше любит и лучше умеет. Я не только обожаю отдыхать, но и вкусно кушать, а моя жена... Тостер и разбавленный кипятком «Доширак» – ее лучшие друзья, когда я задерживаюсь на работе. Ах да, я забыл представиться: Вадим Григорьевич Мартынов, инспектор третьего отдела МВД, подполковник милиции. Вам мало что скажет название «третий отдел», чаще нас называют «полиция нравов». Выражаясь казенным языком, Управление милиции по борьбе с нарушениями прав потребителей... Или нет: «С нарушениями в сфере общественной нравственности»... или... черт! Нас так часто переименовывали за эти десять лет, что пусть уж будет лучше полиция нравов.

Знаю-знаю, вы тут же поставите нам в вину многочисленные армии ночных «жриц любви» вдоль обочин питерских дорог и многомиллионные тиражи порножурналов и порнокассет на питерских лотках. Открою вам секрет, который разом изменит ваше отношение. Нас семь человек. Да-да, вы правильно расслышали: семь человек на пятимиллионный город. И это вместе с начальником и двумя женщинами-инспекторами. Да, чуть не забыл: Ленинградская область тоже в нашем ведении. Я не буду вдаваться в подробности: вы сами сможете разделить

и сосчитать. Почему? Не знаю. Кто-то высоко наверху решил, что этого хватит. Детская проституция, притоны, сауны, порнография и прочее, прочее, прочее... Семь человек...

Я люблю хорошо отдохнуть. Для каждого эта фраза несет свои желания и возможности. Я мечтаю о тишине в заснеженном лесу, с бокалом красного вина у пылающего камина. Кто-то предпочитает и может себе позволить плавание с аквалангом на Канарах. Кто-то рыбную ловлю в уральских озерах. Кто-то бутылку коньяку и сауну с девочками. И вот тут мы с вами можем поспорить о вкусах. Вернее, спорить буду я, а вы – судорожно искать штаны и клясться, что представления не имели о том, что заказанным вами девочкам нет и семнадцати.

Расслабьтесь: конституция гарантирует вам право на отдых, а законодательство услужливо предоставляет для этого все возможности. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что вы выйдете из этой сауны сухими и уверенными в полной беспомощности милиции. Так оно и есть.

Я работаю в отделе с самого его основания и за все эти годы нашел единственное слабое звено в этом порочном круге беззакония и лживой морали – содержатели и организаторы притонов. Как правило, это подставные лица, получающие лишь крошки со стола многомиллиардных прибылей проституции, но они единственные, до кого мы в состоянии дотянуться.

Через пару дней на их место приходят новые «ставленники», и все начинается сначала. Например, та сауна, которую мы собираемся посетить сегодня, за последние пять лет сменила благодаря нашим усилиям четверых банщиков. Я не пессимист и не оптимист. Я профессионал. Я знаю, что не смогу ни победить, ни уменьшить свою работу.

Несбыточным мечтам об отдыхе я предавался в одном из садиков, расположенных во дворах вокруг нашего отдела. Несмотря на близость Смольного – а может, и благодаря тому, – здесь было тихо и спокойно. Дворы были забавно стилизованы под космодромы, кораблики и прочие детские радости. Правда, выполнено все было так, словно вышло из мастерской незабвенного Церетели, но у каждого скульптора свои воспоминания о детстве... Я курил и шурился на солнце, ожидая, пока соберутся все участники предстоящей операции.

Предстоящая акция была несколько специфической, мои друзья, смеясь, называли ее «контрольной закупкой». Из-за малочисленности мы были известны в лицо едва ли не всем сутенерам города, и для участия в этой операции пришлось привлечь внештатных сотрудников. С Митрохиным и Строгановым мы учились еще на юрфаке, потом они ушли из органов, но по старой памяти иногда помогали мне. Сейчас они опаздывали. Сауна была заказана на восемь, и времени оставалось в обрез.

– Дастин!

Я выбросил окурок и поднялся. Дастин – это я. Коллеги так прозвали меня из-за сходства с голливудским актером Хофманом, кстати, одним из любимых мной.

Но, несмотря на мои симпатии к «Человеку дождя», быть похожим на него все же не слишком льстит моему самонадеянности. Сами себе мы всегда кажемся мужественными и значительными. Но не всем так везет, как Григорьеву. С нашего начальника можно писать плакат «А ты записался в истинные арийцы?» Этакая, воспетая Ницше «белокурая бестия», при виде которого млеют даже выдавшие виды проститутки. Высокий, широкоплечий красавец со светло-голубыми глазами и надменным выражением лица. Но внешность обманчива даже в данном случае. Максим – умница и весельчак. Никакого чванства или жестокости, о которых невольно вспоминаешь, глядя в его глаза «штандартенфюрера СС».

Просто жизнь лепит наши физиономии так же странно, как и судьбы. Максима я знаю с самого основания отдела, и более доброго человека мне встречать не доводилось. Он, я и Катя Беликова – «динозавры» питерской полиции нравов. Только если мы с Катей «соответствуем нашим останкам», то этому арийскому образчику не дашь и тридцати. Наверное, он подкупил бога обещанием бороться за его заповедь «не прелюбодействуй» в обмен на внешность и веч-

ную молодость. А я, наверное, в это время в носу ковырялся, потому-то он у меня такой и вышел...

– Дастин! – Максим сегодня дежурил и потому был в форме. – А, вот ты где... Все собрались. Объясни парням по-быстрому, что к чему, и дуйте на объект, местные опера уже ждут. Когда закончишь – отзвонись, я сегодня здесь ночую.

– Ты деньги отксерил?

– В папке на столе. Оригиналы не потеряй.

– Старая шутка. Можешь не волноваться – потеряны не будут. Будут пропиты и... В общем, с умом потрачены.

Строганов и Митрохин ждали меня у дверей отдела. На этот раз оба были без машин: сауна без спиртного выглядела как удостоверение внештатного сотрудника.

– Готовы? – спросил я.

Митрохин выразительно позвенел туго набитыми пакетами.

– В полной боевой, – отрапортовал он, – на этот раз хоть часик дадите?

– Во! – показал я ему кукиш.

– Жлоб, – печально констатировал Строганов. – Моралист чертов.

Мораль была тут ни при чем, и они это знали. Просто за час деньги, отданные банщику или сутенеру, могли уйти так далеко, что вся тщательно спланированная операция направилась бы за ними следом.

– Минут двадцать-тридцать, – сказал я, – и то только на то, чтобы раскрутить проститутку. Ребята, постарайтесь узнать у них, кто на самом деле является хозяином. Директор сауны – совершенно левая тетка, от нее никакого толку. Банщик – козел отпущения, заранее предназначенный на заклание. Меня эта сауна достала. Вытащите у девчонок имя настоящего организатора. Будут предлагать девчонок – выберите самых молодых, «домашних», которых еще на испуг взять можно. Матерые знают, что рычагов на них у нас все одно нет, колоться не станут.

– Поучи свою бабку щи варить, – обиделся Митрохин.

Это-то меня и пугало. Был он силен, рискован и бесстрашен. Азарт и привел его в милицию, а ведь наша работа вопреки расхожему мнению на девяносто восемь процентов состоит из бумагомарания, и, когда он это понял, наступило разочарование. Увы, но в МВД требуются «пахари», а не Джеймсы Бонды.

– И без инициативы, – напомнил я. – От сих и до сих – не больше.

Митрохин разочарованно махнул рукой и полез вслед за Строгановым на заднее сиденье моей машины. Беликова и Седов ехали на машине Прохоренко. Захаров вез двух надежных понятых. Группа была готова.

– Ну, ни пуха! – махнул нам рукой Григорьев, и мы тронулись в путь.

Сауна располагалась на Васильевском острове, и требовалось сделать все крайне оперативно, иначе из-за развода мостов мы рисковали зависнуть там на всю ночь. Я очень не любил работать на Васильевском: как правило, мероприятия затягивались, и на следующее утро все выходили на работу злые, невыспавшиеся и мятые. Было в этом что-то от средневековых замков, в которых на всю ночь поднимали мост, и ни пеший, ни конный до рассвета не могли ни войти, ни выйти. Двадцать первый век, один из крупнейших городов мира – и поди ж ты, автономный, полностью отрезанный от цивилизации остров, с полумиллионом Робинзонов Крузо. Поневоле Ла-Манш вспомнишь.

Местный оперативник уже ждал нас в условленном месте с двумя постовыми. В каждом РУВД был человек, в обязанности которого входило параллельно заниматься и нашей спецификой. Из лучших работников этой сферы формировался и наш отдел. Капитан Алексеев был, пожалуй, одним из лучших. Именно по его наводкам мы так часто и бывали на Васильевском острове.

– У попа была собака, он ее любил, – пожимая мне руку, громким шепотом сообщил мне Алексеев, – но этот процесс сняли на видео, и попа лишили сана... Привет, бабочники!

– Почему «бабочники»? – удивился я.

– Словарь Даля читать надо. Бабочник – любитель собирать насекомых. В том числе и ночных бабочек.

– Хорошо хоть «букашечниками» не назвал.

– Это у Даля тоже есть, но помимо любителя насекомых слово обозначает также сосуд для их собирания.

– Рассказывай, что мы имеем на данный момент.

– Все то же: рассадник паразитизма, – поморщился Алексеев, – как я ни давя этот притон, а он, зараза, на мои усилия с пренебрежительной ухмылкой взирает. Веришь, Вадик, давно бы плюнул, так надоело, но сауна в общежитии расположена, кругом столько офисов для богатых Буратино сдается, что жалобы рекой текут. Бизнесмены, может, и рады были бы место отдыха под боком иметь, но там такой бардак творится, что даже для «бандитствующих коммерсантов» – перебор. То драки, то орут, словно изнасилованные, то клофелином клиентов подкармливают. Последнюю неделю вообще черт-те что происходит. Обычно за ночь сауна часа два-три-четыре работает, а нынче гульба круглыми сутками безостановочно, «конвейерным методом». Охранник как-то сунулся попросить потише себя вести, так вышли пять жалоб под два метра ростом каждый, так бедолагу отделали, что он на следующий же день заявление об уходе подал.

– Хозяина этого бардельеро искать надо, – повторил я, – шушеру эту подставную сажать – все равно что из пушки по воробьям шпарить.

– Веришь, Вадик, все методы в дело пустил, чтоб на этого засранца выйти, – признался Алексеев, – конспирируется, гад, как китайский шпион. Сроду с такими предосторожностями не сталкивался. Всего-то проституция, а предосторожности как у исламских террористов.

– Значит, умнеть стали. Ладно, попытаемся еще раз. Как говорится, если долго мучиться, что-нибудь получится. Одно меня бесит: расположение аховое.

– С умом подбирали, – грустно согласился Алексеев.

Расположение сауны и впрямь было для нас крайне неудобно. Огромный дом, на первом этаже которого и размещался интересующий нас объект, был еще дореволюционной постройки. Ходов-переходов в нем было столько, что пресловутый Дедал со своим Лабиринтом выглядел детской забавой. Сауна располагалась в одном конце, администратор-банщик занимал каморку совсем в другом, а девочек, как правило, подвозили к парадному входу в общежитие. Шесть входов и выходов были укрыты весело зеленеющими кустами. Зато из окон площадка перед домом просматривалась как на ладони.

– Все перекрыть не сможем, – констатировал Алексеев.

– Нам все и не надо, – сказал я, – не банду берем. Главное, не упустить банщика с деньгами.

– Банщицу, – поправил меня Алексеев, – на этот раз наняли женщину.

– Это хуже, – признался я, – с женщинами работать всегда хуже. Ладно, как-нибудь справимся. Время на исходе. – Я повернулся к внештатным сотрудникам: – Ребята, вы готовы?

– Да.

– Не забудьте: через десять минут после звонка. Ни пуха!

Раньше, когда сотовые телефоны были еще недоступной для простого обывателя диковиной, все было много сложнее. Приходилось разбрасывать целую систему сложнейших сигналов или же полагаться на «авось». Теперь после передачи банщице или сутенеру денег внештатникам достаточно было просто позвонить «другу» и условными фразами передать нам всю интересующую информацию.

Поставив машины подальше от входа, мы приготовились ждать. Минут через пятнадцать голос Беликовой сообщил по рации:

– Мимо меня прошли две девушки. Сдается мне, наши клиентки... Только уж больно молоденькие. Вадик, это ты просил?

– Легче будет развалить, если что-то знают, – признался я.

– Совсем девочки, – вздохнула рация. – Моим внучкам ровесницы.

Я считал за благо промолчать. Да и что тут было говорить? Бизнес интимных услуг такого мегаполиса, как Петербург, был способен обеспечить любые вкусы и запросы. В любой специфичной газете можно найти и спрос, и предложения на самые «изысканные» запросы. Дети, инвалиды, старики... «Время бабочек и пингвинов» – как пелось в одной песне. Ночных бабочек и пингвинов в малиновых пиджаках. И еще много-много лет эти девочки будут заходить в сауны, стоять у обочин, выезжать на квартиры... Я не пессимист. Я – профессионал. Старик из «Эры милосердия» Вайнеров прав: преступность победят не карательные органы. Преступность может победить лишь мораль. Пока эти девочки нужны обществу больше, чем моя работа...

Сотовый порадовал меня мелодией из «Бандитского Петербурга».

– Слушаю.

– Наташенька, я задержусь на работе, – раздался делано-скорбный голос Митрохина, – дел по горло. Босс опять взял крупный заказ. Вернусь поздно, не жди. Целую, милая.

– И я тебя, – усмехнулся я, поднимая рацию. – Внимание! Деньги получила банщица. Сутенера нет. Можно приступать.

Три машины подъехали к парадному входу одновременно.

– Прежде всего – банщица, – напомнил я, – не найдем у нее деньги, вся операция – коту под хвост.

– Найдем, – успокоил Алексеев, – ей еще надо девочкам долю отдавать, вряд ли станет далеко прятать.

Он оказался прав. Несмотря на визгливые протесты банщицы, деньги мы нашли быстро. Они лежали в верхнем ящике стола, прикрытые газетой. После сверки номеров купюр с отпечатанными на ксероксе копиями и составления акта изъятия гневные вопли сменились жалобными стенаниями. А когда мы нашли пухлый блокнот с номерами телефонов девочек по вызову, то и вовсе наступила долгожданная тишина.

– Алексеев, можешь вызывать следователя, – облегченно вздохнул я, – а наша с тобой работа, Катерина Юрьевна, только начинается. Тебе досмотры и изъятия, мне протоколы и опросы. Полдела сделано, остается узнать...

Пронзительный визг оборвал меня на полуслове. Распахнув дверь, я выскочил в коридор, оттолкнул истошно орущую толстуху-вахтера – и окаменел.

По коридору, оставляя за собой широкий кровавый след, с трудом полз Илья Строганов. Мимо меня проскользнул Алексеев, бросился к раненому, перевернул...

– Твою мать! – простонал он, увидев раны. – Врача! Быстро вызовите кто-нибудь врача!

Очнувшись от шока, я выхватил пистолет и, даже забыв дослать патрон в патронник, бросился к распахнутым в дальнем конце коридора дверям сауны. Вслед за мной ворвались постовые и Захаров. Сауна была пуста. Я вышиб двери в подсобное помещение, перевернул стол, кровать...

– Вадим, – тихо позвал меня из душевой Захаров.

Он стоял у края мини-бассейна, бледный как мел, и не мог оторвать взгляда от плавающего в багровой воде тела. Из левого глаза Митрохина торчала заточка, а широко открытый правый глаз смотрел на меня укоризненно и невидяще...

9 июня 2003 г. (месяцем раньше)

По российским меркам, Головец – городок небольшой. Расположен он в самом сердце Тверской области и славился делами ратными и торговыми еще задолго до того, как князь Долгорукий основал над могилой казненного им боярина Степана Кучки небольшой городок, подаренный им сыну и названный по имени протекающей рядом реки Москвы.

Ходили в печально знаменитый поход с князем Георгием, знатно били литовцев с князем Ярославом и славно бились с ордами Батыя – именно на этой земле завязло и повернуло вспять многотысячное татарское войско.

Затем три столетия головчане исправно платили Золотой Орде и столь же исправно вырезали пытающихся покинуть пределы области сборщиков податей. Так триста лет и ходило «челноком» имущество горожан: до границ области и обратно, понемногу прибавляя в весе и объеме за счет отбитого у татарской «налоговой службы» добра.

О «челночной политике» предков головчанам пришлось вспомнить в семнадцатом году, и обозы с продовольствием снова начали курсировать до границ области и обратно. Правда, на этот раз без законных трофеев-процентов. Да и что было взять у красных комиссаров, кроме идеи и нагана? Комиссарские наганы, укрытые в надежных захоронках, славно послужили новым хозяевам и в грозных сороковых. Про «челночную политику», проводимую головчанами во время немецкой оккупации, нет нужды и упоминать – тактика была отработана веками и вошла в привычку. Единственный раз, когда она едва не дала сбой, приходился на период «перестройки».

«Что-то здесь не так, – чесали затылки головчане, – войны вроде нет, а деньги утекают прямо-таки обозами... Диковинно...»

Жаловаться властям или свергать оные не было никакой возможности, так как по закону выходило, что власть – они сами и есть.

Вот и приходилось «перестраиваться» самостоятельно. И возможно ли не поднять бокал за человека, приехавшего из земли питерской и столь славно впитавшего местные традиции и обычаи, что следует назвать его не просто «головчанином», а «заслуженным головчанином». Как же не пожелать ему здравствовать, княжить и владеть еще долгие, долгие годы.

Руслан благодарно улыбается и отпивает вина из стилизованного под древний кубок бокала. Да уж что-то, а говорить Федор умел. На любых «стрелках» так любую тему с ног на голову перевернет, что после минутной паузы противоборствующая сторона обычно просит: «Братва, а нельзя, чтоб все это кто-нибудь другой еще раз повторил?.. По-нашему, по-пацански?» Но голова действительно золотая. Руслан иногда жалел, что в свое время отговорил его идти учиться на юридический. Какого адвоката потеряли!

Единственный и неповторимый Федор Назаров! Нет худа без добра. Потеряв в его лице адвоката, бригада обрела умного и педантичного разработчика операций, что почти исключало надобность в адвокатах.

Под одобрительный рев гостей чокнулись бокалами, обнялись... Руслан недолюбливал этот обычай: обниматься по любому поводу и без такового. Но гордиться успехами Руслана есть повод сейчас именно у него, питерского вора в законе Юрия Бочарова, по кличке Север. Хотя кто знает, были бы живы отец с матерью да сложились все по-другому, неизвестно еще, чье воспитание больше плодов принесло бы.

И справлял бы Руслан свой тридцатый день рождения не в самом престижном ресторане Головца, а в какой-нибудь захудалой питерской закусочной вместе с нищими друзьями-студентами. Курил бы не кубинскую «Корону», а какой-нибудь «Космос» или тьфу-тьфу-тьфу – «Беломор». Нет уж, увольте. Прав дядя: мудрость «выживает сильнейший» не сегодня родилась. В нужное время проявили себя гены Бочаровых. Слом двух эпох предоставил им такие шансы, которыми гены интеллигентов-Зотовых воспользоваться бы просто не смогли.

Руслан с удовольствием оглядел сидевших за столом друзей. Вот они, результаты десятилетней работы. Не власть, полностью контролируемая ими в городе, не связи, налаженные на

всех уровнях местной администрации, не деньги, квартиры и иномарки, а именно эти ребята были показателем его долгой и напряженной работы. Тридцать верных, смелых, здоровых, как молодые бычки, парней, в которых было вложено столько сил, нервов, времени и на которых стояли его власть, прошлое, будущее и настоящее.

Но, говоря без излишней скромности, еще неизвестно, чего бы смогли достичь эти «джентльмены удачи» без него. Конечно, свято место пусто не бывает. Нашелся бы кто-нибудь и взамен его, но сколько парней сидело бы сейчас по тюрьмам, сколько не смогло бы реализовать себя до конца, оставаясь на уровне «подай-принеси» и «сбегай – набей морду»? Достигли бы они нынешнего положения? Были бы у них такие связи, деньги, машины? Очень большой вопрос. Так что сегодня похвалить босса не грех. Без подхалимства, неумело, стесняясь, но от души.

– За тебя, Руслан! – Вика, как всегда, остро чувствовала его настроение. – За самого красивого, умного и удачливого парня, которого я встречала в своей жизни. За победителя!

Наверное, Руслан все же захмелел, иначе чем можно было объяснить состояние той блаженной эйфории, в которой он находился. Не хотелось думать, что на рубеже четвертого десятка он становился тщеславен. Надо было собраться и взять себя в руки. Хуже нет, когда вожак теряет над собой контроль в присутствии стаи. Пусть даже в мелочах. Расслабился – и будет. Он отставил бокал и поднялся из-за стола.

– Пойду на воздух, – пояснил он Вике, – надо освежиться. Душно здесь.

Сидевший по правую руку Саша Нечаев тут же встал:

– Я с тобой.

Этот стокилограммовый бугай не умел спрашивать, предлагать или советовать. Он всегда констатировал. Единственный из всей бригады, судьбой которого Руслан не мог распоряжаться. Уникальный персонаж. Предан душой и телом, но живет так, словно из тридцати членов «головецкой» бригады есть только два автономно существующих человека: он и Руслан. А может быть, так оно и было на самом деле. Железный человек, даже – «цельнометаллический». Бывший спецназовец, способный в одиночку расправиться с пятеркой противников, в совершенстве владеющей холодным и огнестрельным оружием, он был и гордостью Руслана, и его вечной проблемой.

Гордостью – потому, что предан до конца и убьет за босса не задумываясь (что, кстати, бывало не раз). А проблемой – потому, что не Руслану удалось провести эту расстановку сил. Просто Нечаев в очередной раз решил для себя, что так должно быть, и следовал этому. Прикажи ему Руслан расстрелять местное ОВД, пожмет плечами, скажет: «Глупо», возьмет «Калашников» и пойдет стрелять. Этакий «самурай маленького городка». Планета, живущая по собственным законам, но подчиняющаяся законам той вселенной, в которой вращается.

– Расслабься, Саша, я хочу только перекурить. Телохранители для этого мне не нужны, – похлопал Руслан его по плечу. – Менты меня с балкона не похитят, и конкуренты диверсию не устроят.

Куда там: Нечаев уже принял решение. Этакая «демократия в рамках тирании». Руслану оставалось лишь вздохнуть:

– Как хочешь.

На улице начал капать дождик. Приняв предложенную сигарету – сам Руслан курил от случая к случаю, – он облокотился о перила, подставляя лицо крохотным каплям.

– Праздник удался...

– А вот что дальше? – пристально глядя на него, полюбопытствовал Нечаев.

– Дальше? Сейчас приду в себя, вернемся за стол, минут через тридцать вызовем массажисток и спустимся в сауну, а уж там...

– Я не о том. Я про работу в целом.

– Не понял? – Теперь настал черед Руслана изучать лицо Нечаева.

– Мы слишком давно знаем друг друга. И я понимаю, что для тебя тридцатилетие – это некий... рубеж, что ли... Подведение прошлых итогов, начало новой главы. Ты вычерпал из этого города все, что только он мог дать. Все, что нам остается теперь, это укрепление позиций, устранение досадных случайностей, охрана территории от конкурентов, одним словом, административная работа. Насколько я тебя знаю, это тебя не заинтересует. Вот я и хотел узнать... Чего ждать? Остановимся ли на достигнутом, легализуя доходы и превращаясь в почти добропорядочных бизнесменов, или же...

– Понятно, – кивнул Руслан, – тебе ответить честно? Не знаю. Я еще не задумывался об этом всерьез. Гарантировать могу одно: барыгами мы не станем. И жизнь свою по формуле обывателей строить не будем. Это не для меня. У меня другой ритм... Знаешь, что такое карма?

– Что-то из восточной философии, кажется, судьба, предназначение... или предопределенность?

– Предопределенность? Да, можно сказать и так. Только, если делать поправку на русский менталитет, то результат прямо противоположный. Для японцев карма – это когда долго живешь на свете с женой и кучей детишек, а потом тебе на голову падает кирпич. А для русских карма – это когда долго живешь на свете с женой и кучей детишек, и хоть бы кирпич на голову упал! Нет уж, увольте, не хочу!

– Я так и думал, – удовлетворенно сказал Нечаев, щелчком отбросил окурок через перила балкона и неожиданно подмигнул:

– Карма... это ты грамотно загнул...

Довольно бормоча себе под нос что-то про карму и кирпичи, он вернулся в банкетный зал.

«Предопределенность, – повторил про себя Руслан, – обыватели мечтают о стабильности. Но слишком резок был для меня в детстве контраст между законопослушными, довольными своей судьбой родителями и рискован, непохожим на других, загадочным дядей. «Не сотвори себе кумира». Все дети хотят кем-то быть. Лучше бы их учили, как не быть кое-кем... Предопределенность... Неужели кто-то все решил за нас, раз и навсегда записав нашу судьбу в небесных скрижалях? Не верю! Каждый день, каждый час, каждую минуту пытаюсь идти вопреки, вопреки закону, вопреки морали, вопреки всякому течению жизни, вопреки судьбе. И все равно рождается и глохнет подлая мыслишка: а что, если и это предопределенность?! И тогда...»

Звук, который отвлек его от мыслей, Руслан поначалу принял за хлопок шампанского. Потребовались еще несколько секунд и повторный выстрел, чтобы сообразить: блаженная эйфория праздника закончилась. Даже если какой-то перебравший спиртного поганец затеял стрельбу по бутылкам, придется сворачивать банкет и убираться подобру-поздорову. Но он чувствовал, что дело обстоит куда хуже.

Когда он вошел в зал, все уже были на ногах, настороженные и готовые к любым приказам.

– Всем оставаться на своих местах, – как можно спокойнее распорядился Руслан, – продолжать веселиться и даже не обсуждать, что слышали. Кто понадобится – позову. Нечаев, Кротов, Розанов, за мной!

В коридоре повернулся к Нечаеву:

– Саша, ты сидел ближе к выходу, откуда это могло доноситься?

– Где-то внизу, на улице или в подсобке.

– Кто выходил из зала?

– Федор, – уверенно сообщил Нечаев, – Федор Назаров. Сигнализация в его тачке сработала. Минут пятнадцать как вышел.

– Стволы у кого-нибудь есть?

– Откуда? – досадливо скривился Нечаев. – Сам же приказал: на банкете не должно быть даже водяных пистолетиков.

– Стало быть, кто-то меня не понял, – с угрозой сказал Руслан, – и кому-то придется объяснить еще раз... доходчиво и внятно...

– Это не наши, Руслан, – покачал головой Нечаев, – здесь что-то другое. Не ходил бы ты никуда, а? Мы с пацанами сами разберемся, что там за фейерверк такой...

– О бабушке своей заботься, – оборвал его Руслан, – быстро за мной!

«Может быть, Федор накрыл угонщика и затеял пальбу? – мелькнула у него спасительная мысль. – Нет, не похоже на Федьку... Что же произошло? Ведь это были выстрелы! Явно выстрелы...»

Назарова не было ни в холле, ни на улице. Его машина была закрыта и поставлена на сигнализацию. В растерянности Руслан стоял под дождем, а из окон на него смотрели встревоженные гости.

– Возвращайтесь за стол! – крикнул он. – Все в порядке, я скоро вернусь!

– Я не уверен, что все в порядке, Руслан, – тихо сказал подошедший Нечаев, – там, на улице, возле машины...

– Вижу, – сквозь зубы отозвался Руслан, – тебе нужен шухер, который здесь поднимется? Дай бог, чтобы до ментов слухи о стрельбе не дошли. Наверняка кто-то слышал...

Следы волочения начинались возле машины, как раз там, где лежали ключи с брелоком. Этот брелок Назаров привез из Мексики, купив в музее Троцкого. В России таких было напечет, а уж в Головце... Теперь сомнений не оставалось: произошло что-то из ряда вон выходящее. С трудом выдержав те секунды, пока гости отходили от окон и возвращались за стол, Руслан нарочито неторопливым шагом прошел за угол дома. Там, у широкой заасфальтированной дороги, следы волочения заканчивались. И в том месте, где они обрывались, поблескивала в свете фонарей огромная масляная лужа.

Позади Руслана тихо выругался Нечаев.

– Заказ! Руслан, это заказ, что б мне провалиться! Если б он наткнулся на воришку и тот его кончил, тело оставалось бы на месте. А то, что Федьку кончили, – как дважды два! Такая лужища крови только из жмурика могла натечь...

– С деталями после разбираться будем, – остановил его Руслан, – как и с тем, кто, зачем и почему. Сейчас вопрос по-другому стоит: стоит подтягивать к этому делу ментов или...

– Не стоит, – закончил голос за его спиной.

Руслан резко обернулся, готовый ко всему... Нет, не ко всему. К этому он готов не был. Впервые в жизни он почувствовал, как становятся ватными ноги, а в голове нарастает шум, похожий на шелест морского прибоя. Пятнадцать лет промчались сквозь него грохочущим товарняком и вынесли на маленький петербургский дворик, в котором он стоял на таких же непослушных ногах и вытирал кровь с разбитого лба, а она выговаривала ему так же ровно и чуть снисходительно...

– Дурак, – сказала Таня, – ты ему руку сломал. А Ленка и так ябеда, сейчас к матери побежал, та в милицию заявит.

– Ну и пусть, – сказал Руслан, – на два года старше меня, а все жаловаться бегаёт, маменькин сынок. Смелый, только когда с компанией. Я с ними двумя дрался и то никуда не бегу.

– Разумеется, – кивнула она, – морду-то ты им набил, а не они тебе. Почему все мальчишки такие... глупые? Знал же, с кем связываешься. Зачем это тебе?

– А чего они к тебе цепляются?

– Подумаешь... А ты за мной таким образом поухаживать решил? – неожиданно прищурилась она. – То-то я замечать стала, что вся ваша дворовая шайка-лейка на меня как-то странно посматривать стала.

– Вот еще... Очень надо... Просто... это мужское дело – за женщину заступаться...

– Какой же ты мужчина? – фыркнула она. – Оболтус малолетний. «Руська, я сегодня подерусь-ка».

– А сама-то?! Строишь из себя, а самой еще четырнадцати нет...

– Так ты и день моего рождения знаешь? Ох, как интересно... А я все гадала, что это на крыше соседнего дома по вечерам блестит. Папашин бинокль спер и в окна подглядываешь?

– А ты... а ты... Ты нарочно шторы не задвигала!

– Вот и проговорился! – рассмеялась она. – И это-то гроза нашего двора! На руках по поребрику крыши пройти – на это смелости хватает, а полгода по пятам ходить, но и на шаг не приблизиться – тут мы зайчики... Влюбленный Зотов – умереть, не встать!

– Ха-ха-ха! – угрюмо передразнил он ее. – Очень смешно! Напридумывала тут... ерунды разной... Знал бы, так и не спасал...

– От кого?! – приподняла она бровь. – От этих? Безобидные дебилы. Лишь бы позубоскалить да языки почесать. А ты тут как тут, нашел повод прискакать на белом коне. Дурак и есть... Больно?

– Отстань! – разозлился Руслан. – Чтоб я еще хоть раз в жизни!.. Чтоб хоть когда-нибудь!..

– Оскорблен в лучших чувствах? – понимающе покивала она. – Ладно, замри на секунду, герой, дай тебе кровь со лба вытру.

– Отцепись, – оттолкнул он ее руку с белоснежным платком, – обойдусь как-нибудь.

– Стой на месте, кому говорю! Поверни голову... вот так...

Ее лицо оказалось так близко, а запах ее волос был так головокружителен, что Руслан не удержался...

На какое-то мгновение ему показалось, что она ответила на поцелуй, но эта иллюзия была слишком коротка.

– Дурак! – Она оттолкнула его и бросилась бежать.

Руслан посмотрел на брошенный платок, поднял и положил себе в карман.

– До встречи, – сказал он ей вслед, зная, что слышать его она уже не могла.

...А дома его уже ждал участковый. Так он получил свой первый, условный срок. Но тогда ему казалось, что это слишком незначительная жертва за возможность познакомиться, первый поцелуй и трофей в виде платка с бурыми пятнами крови...

– ...крови.

– Что? Что ты говоришь, Саша?

– У нее на пиджаке пятна крови, – повторил Нечаев, указывая на Таню.

– Это грязь, – твердо сказал Руслан, – ты ошибаешься, Саша, это просто грязь.

– Но...

– Если я сказал, что это грязь, значит, это грязь, – зло взглянул на него Руслан, – и все на этом!

– Что делать-то будем? – подал голос Нечаев. – «Доброжелатели» уже наверняка мусоров вызвали.

Руслан посмотрел на девушку, словно спрашивая совета, но ее взгляд был спокоен и даже насмешлив. Создавалось ощущение, что ей плевать на то, что происходит вокруг.

– Дождь усиливается, – вздохнул Руслан, – это в тему. Он смоем следы.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – с явным осуждением заметил Нечаев.

Отвечать на это было сложно, но Руслан уже давно заслужил это право: не отвечать.

– Я сегодня не появлюсь, – сообщил он, – с ментами разберетесь сами. Созвонимся завтра... Поедем, Таня.

На автостоянке он открыл перед ней дверцу «Альфы Ромео», сам сел за руль, завел мотор и тронулся с места, на пару минут разминувшись со спешащим к ресторану милицейским «уазиком».

Они ехали молча, и это молчание еще больше усиливало возникшее у Руслана чувство нереальности происходящего.

«Фантазмагория какая-то, – тоскливо думал он, – наваждение. Пир во время чумы... Подарочек ко дню рождения...»

Он припарковал машину возле ресторана «Три ключа». Не самый лучший в городе, но вполне приличный кабак, с «вип-кабинами», вымуштрованной охраной и надежным директором, который сам и выскочил встречать их лично, заметив машину из окна кабинета.

– Руслан, – распахнул он объятия так, словно Зотов собирался с ним обниматься, – а я уж начал обижаться, что ты все не едешь...

– Отдельный кабинет, – прервал его излияния Зотов, – кофе, коньяк, вино, и никого не впускать. Если что-то понадобится, позову сам.

– Один момент. – Он было бросился отдавать распоряжения, но девушка остановила его:

– Где у вас дамская комната? И не могли бы вы достать фен? Дождь испортил мне прическу...

Ну что тут было сказать? Руслан прошел в подготовленный метрдотелем кабинет, вытряхнул из пузатой бутылки полный фужер коньяку и жажнул, как простую водку, не манерничая и не закусывая, тут же налил себе второй и, закулив, приготовился ждать.

Она вошла минут через пятнадцать. Все такая же невозможно красивая, изящная, словно воплотившаяся в жизнь мечта...

Таня покосилась на стоящую на столе бутылку:

– «Наполеон Курвуазье»? Откуда он в этой глуши?

Руслан наконец разозлился.

– Мы его здесь лаптями хлебаем, – сквозь зубы сообщил он. – Куда нам, сиволапым, уяснить разницу между «ангельским марьяжем» Эммануэля Курвуазье и бражкой тети Дуси из Нижнесобачинска? Да и сколько той разницы? «Наполеон Курвуазье» делают из винограда сортов Петит Шампань и Гран Шампань, выдерживают по двадцать пять лет в бочках из лимузинского дуба в подвалах, выложенных шаранским камнем, а свою бражку тетя Дуся гонит на дрожжах, выдерживая ее пару недель в алюминиевом бидоне, в своей баньке из гнилой сосны.

– Упс! – удивленно вскинула она брови. – Откуда такие познания?

– Амбиции, – пояснил Руслан, – я, видишь ли, не могу позволить себе роскошь быть как все, потому и интересуюсь качеством того, что мне нравится. Я должен знать, что пью, на чем езжу и что курю. Пока я хозяин своих привычек, я буду сам выбирать для них сорта и марки.

– Дорогие у тебя привычки. Чем ты занимаешься?

– Сiju, пью коньяк, курю и жду объяснений.

– Я не об этом...

– Насколько я догадываюсь, обо всем остальном ты уже навела справки. Или ты считаешь, что я должен психовать, топтать ногами и орать: «Как ты здесь оказалась и зачем ты убила моего друга?!»

– А кто сказал, что я его убила?

– А кто сказал, что меня это интересует? – в тон ответил Руслан.

– Не поняла, – в свою очередь удивилась она, – ты хочешь сказать, что без вопросов «прикроешь» меня, без расспросов проводишь завтра утром на поезд, посадишь в вагон, расставаясь еще лет на десять-пятнадцать, и... все?!

– Почему бы и нет? – пожал он плечами. – Если тебе нужна именно такая форма общения. А если нет – сама расскажешь.

Она откинулась на стуле, с интересом рассматривая его лицо.

– Что ж... я рада, что мы встретились вновь, Руслан...

– Я тоже рад, – безэмоционально откликнулся он.

– Признаться, я приехала к тебе по делу, – продолжала она, – точнее, с поручением. Тот, кто меня послал, решил, что будет правильнее, если сообщение отвезет человек, которому ты доверяешь.

– А кто сказал, что я тебе доверяю?

Она даже опешила:

– Но... Ты же сам только что сказал, что если надо, то поможешь мне, ни о чем не спрашивая и ничего не требуя...

– Это разные вещи.

– Не понимаю, – призналась она, – ты стал совсем другим. Мне казалось, что я знаю тебя и что я...

– Небезразлична мне? – понимающе кивнул он. – Это правда. Я уже давно не пылкий, романтический пацан, поэтому могу подтвердить это совершенно спокойно. Ты нравилась мне в детстве и, может быть, нравишься до сих пор.

– Но почему тогда...

– Я же объясняю: это разные вещи. Во-первых, я вообще никому не верю. «Все вокруг – враги» – этот девиз дал мне все то, чем я сейчас владею, и до сих пор не подводил ни разу. Во-вторых, больше всего я не верю женщинам, ибо они самые умные и опасные из врагов, а в-третьих... Меньше всех надо верить той, которая нравится. Да и вообще... Почему я должен тебе верить? Ты вернулась из того прошлого, в котором не нашлось места для меня, не скрываешь наличия странной маски и после этого хочешь, чтобы я тебе поверил? Я действительно рад тебя видеть, Таня, но... Кто ты?

– Курьер, – сказала она, и ее голос стал сух и деловит, – курьер, которого прислали к тебе с деловым предложением... Парень, который сегодня пропал, – стукач.

– Невозможно, – твердо отрезал Руслан.

– Смысл вербовки заключается в том, чтобы поставить ловушку именно на самого надежного и информированного человека. Не знаю, на чем его взяли менты, но это именно так. У твоего дяди есть доказательства.

– Вот оно что, – протянул Руслан, – экая мозаика складывается... А ты как к нему попала?

– Как-нибудь расскажу, – пообещала она, – когда-нибудь, когда мы сможем вновь доверять друг другу и говорить как... старые друзья. Тогда и откроем друг другу прошлое. А пока что... К делу.

Она протянула лист бумаги, где знакомым почерком было написано: «Таня передаст все на словах. Верь ей. Север».

– Назаров жив? – спросил Руслан, сжигая записку на пламени свечи.

– Нет.

– Ты?

– С ума сошел? – искренне возмутилась она.

– Как и кто, конечно, не расскажешь?

Она отрицательно покачала головой.

– Ясно, – вздохнул Руслан, – тогда рассказывай, что ты там должна передать мне «на словах».

– Надо съездить на «гастроли», – сказала она. – Есть несколько интересных тем, но возникла нехватка надежных людей. У Севера последнее время дела идут неважно... Вернее, дела-то как раз идут, но именно поэтому потихоньку-помаленьку большинство его доверенных людей плавно переселились в «Кресты». Он недоверчив к новичкам – ты это знаешь. Пользуешься проверенными, испытанными связями, но ведь такие люди – редкость. Это полностью исключает возможность внедрения «засланного казачка», но при таком интенсивном ведении дел, как у него, очень сильно сокращает ряды избранных. Проще говоря: на сегодняшний день

таких людей у него практически не осталось. Приходится использовать резервы. Ты ему нужен, Руслан. Ты и твои ребята.

– У такого человека, как Север, плохих «тем» быть не может, а следовательно, и «табош» от дел солидный, вот только... Откуда он взял эту гадость о Федьке? Режь меня на части, но нутром чую, что это лажа!

– В Питере Север даст тебе кое-какие кассеты с записью разговоров Назарова с ментами.

– Исключено. Все, что происходит в здешнем УВД, я знаю и контролирую. Если бы к Федьке начали подкрадываться легавые, то я был бы первым, кто про это узнал.

– Север знает и это, – согласилась она, – да вот, к несчастью, и ментам такую весть сорока на хвосте принесла. Его не местные менты прессовали. И твое счастье, что дядя приглядывал за тобой прямо-таки с родственной заботой.

– Хороша забота, – хмыкнул Руслан, – за десять лет пару раз виделись да несколько раз по телефону общались. Луза был для меня здесь и папой, и мамой, и дядей.

– Любить и заботиться можно по-разному, Руслан, – сказала она, – ты же знаешь, как относится к родственным связям воровской закон. А Север – идейный, «твердый» вор.

– Сколько ты с ним работаешь?

– Два года.

– Чем занимаешься?

– Это можно назвать сферой развлечений. Сауны, гостиницы, ну и все такое...

– Понятно... Уж на кого-кого, а на тебя бы с роду не подумал. Как вы с ним познакомились?

– Руслан, давай об этом не сейчас, хорошо? – попросила она. – Не время и не место.

– Ладно, вернемся к делам, – пожал плечами он. – Что требуется от меня?

– Север хочет, чтобы ты со своими ребятами взялся за дело. По выполнении пятнадцать процентов тебе, тридцать пять – твоей бригаде. Сам понимаешь, что предложение выгодное.

– Сколько потребуется людей?

– Человек пять-шесть. Только надежных. По-настоящему надежных.

– Этим ты намекаешь, что мы тут изрядно «накосорезили», не выявив вовремя стукача? Обижайся не обижайся, но я до сих пор в это не верю.

– Поверишь, – вздохнула она, – это факты, и тому есть доказательства. Он переживал за мать, боялся, что она не перенесет, случись что с ним. На этом его мусора и сломали.

– Теперь уж точно не перенесет, – покачал головой Руслан.

– Он сам выбрал свою дорогу. Что лучше: он один или вы все?

– И все-таки зачем же так? Ведь можно было...

– Нельзя, – отрезала она, – на кону крупные дела, и играть в Штирлица не резон. К тому же стукач есть стукач. Ты воровской закон знаешь.

– Я-то знаю, а вот с чего ты в него так свято уверовала?

– С волками жить...

– Сумасшествие какое-то. Ты, и вдруг...

– Руслан, я же просила, – укорила она.

– Хорошо, хорошо... Когда нам в Питер?

– В городе надо быть через три дня. Кроме одежды, ничего брать не надо – Север обеспечит всем необходимым.

– На сколько планируется гастроль?

– Ориентировочно две-три недели. Как справитесь.

– Чем заниматься конкретно? Кражи? Налет? Я должен знать, как подбирать людей.

– Подбирай надежных. Остальное расскажет Север. Знаю лишь, что «мокрого» не предвидится. Для этого у него есть свои специалисты.

– Да, я уже заметил.

– Не убивала я его, Руслан, – она посмотрела в его глаза, – правда, не убивала. Человек со мной был, от Севера. Он после дела сразу отвалил, а я должна была с тобой переговорить.

– Тело-то куда дели?

– Не знаю.

– Сволочи вы все-таки!

– Не оскорбляй меня, Руслан, – попросила она, – от тебя я не хотела бы слышать подобное.

– У меня друга убили, – сказал он тихо, – а еще нескольких друзей сейчас допрашивают менты. А я с тобой здесь коньяк распиваю...

– Прости. Так уж вышло... У тебя ведь сегодня день рождения? Я знаю, что это жестоко...

– Почему-то получается, что все, что связано в моей жизни с тобой, жестоко, – вздохнул он и через силу улыбнулся. – Правда, если посмотреть на это непредвзято, то все пошло мне на пользу. Все, что я имею, чему научился, и даже то, кем я стал, все это я получил благодаря тебе.

Она отвела взгляд и попросила налить коньяку. Некоторое время они сидели молча, стараясь не встречаться взглядами.

– Не так я представлял нашу встречу, – признался Руслан после долгой паузы, – как ни банально звучит, но не так...

– Ты исчез ведь тогда. Исчез на много-много лет. Не писал, не звонил... Слишком взрослое решение для пятнадцатилетнего парня.

– В детстве все кажется преувеличенно значимым, – кивнул он, – словно рассматриваешь мир через лупу. С годами это проходит. Мельчает. Все мельчает...

– Может, просто мы сами мельчаем?

– Тогда бы все вокруг увеличивалось, – неожиданно зло сказал он, – нет, именно все вокруг – суета сует... Уж я-то знаю...

...И время снова сомкнулось, смяв, стиснув прошедшие годы так, что сквозь них, как сквозь стекло, стало вновь видно былое...

– В юности все кажется преувеличенно значимым, – сказал ему тогда Луза, – поверь старику: болезнь юности – гигантомания. С возрастом это проходит. Сначала все уменьшается до нормальных размеров, и это проявление зрелости – видеть все таким, какое оно на самом деле, а затем все уменьшается, высыхает, съеживается – и это уже пора мудрости. «Суета сует», «и это тоже пройдет», «ничто не ново под луной»... Скука, одним словом.

– А может, дело в нас? – ярился Руслан. – Может, это не мир, а мы сами усыхаем? Становимся скучными и никчемными, покрываясь пылью, словно музейные экспонаты?

– Вряд ли, – покачал головой старый вор, – просто то, что в юности мы поспешно делим на черное и белое, с мудростью открывается для нас в истинном свете. Учит только опыт. Чертов опыт долгих лет, от которого никуда не деться, который не сбросить и не забыть. Твой дядя мудрый человек, Руслан. Он спас тебя не только от тюрьмы, он спас тебя от тебя же самого.

– Так не бывает... Да и зачем?

– Бывает. А зачем... Я думаю так. В детстве в нас живет не одна личность, а несколько. Несколько частиц, взятых от матери, отца, деда, друзей, из книг, да и просто... возможных будущих. Эдакие маленькие, неоформившиеся еще кусочки, которые со временем вырастают, изменяются или исчезают. Формируется характер, выбирая для себя наиболее приемлемые кусочки мозаики. А потом эта мозаика застывает навсегда, дополняясь новыми «кусочками», но не меняя старых.

– При чем здесь это?

– Ты любил как глупец. Обожал, любовался, гордился, был готов на самопожертвование.

– Что же в этом плохого?

– Когда ты украл для нее конфеты и был пойман, условная судимость за драку у тебя уже имелась. Если бы не Север, ты бы уже уехал в колонию. Вернулся бы через несколько лет уже совсем другим человеком. Сломанным.

– Почему? Разве у меня нет характера? Или там ломают всех подряд?

– Нельзя оставлять за спиной такую слабость, как любовь. Это заведомый проигрыш. Если человек хочет быть сильным, у него должен быть стержень, должна быть основа. Характер. Сила. Злость. Холодный и трезвый ум. А это несовместимо с щенячьим, сопливым чувством обожания. Ты бы ее все равно не добился. Женщины любят удачливых, сильных мужчин. Ты был обречен на поражение. Первая любовь всегда терпит поражение. А в зрелости мы удивляемся, какими были дураками. Корим себя за мягкотелость, за слюнтяйство, понимая, что прояви тогда характер, твердость духа, имей побольше опыта... Слабый не может оставаться победителем. Любовь – это слабость. Надо пересилить себя, зажать свою волю в кулак, контролировать свои чувства, не идти у них на поводу, а подчинять своей воле, и только так ты получишь желаемое...

– Но это будет уже не любовь!

– Почему? Это будет мудрая любовь. Ты проанализировал все возможности, проявил характер, добился желанной женщины, она обожает тебя, ты – победитель... Чем это плохо? Или ты думаешь, что она дождалась бы тебя из тюрьмы? Сомневаюсь. Я пятнадцать лет провел в лагерях, Руслан. И таких чудес я там не слышал. А так у тебя есть шанс. Север дал его тебе. Поэтому я и говорю: спас тебя от тебя самого.

– Но мне это не нравится. Я не хочу так!

– А ее получить ты хочешь? Так получи. Но как мужчина, а не как сопляк. Построй себя, построй свой мир, стань тем, рядом с которым она почтет за честь находиться. Женщины подчиняются только силе.

– Она не такая.

– Все женщины такие. Просто некоторые не хотят в этом признаваться, но и они рады, когда их переубедят. У вас ничего не могло получиться сейчас, но, если ты по-настоящему захочешь, получится в дальнейшем.

– А если случится так, что я добьюсь всего, о чем вы говорите... Ну там, денег, власти, и все такое... А она тем временем будет уже с кем-то другим? Что, если я упущу самое главное – время?

– Ну и что? Тебя смущает наличие какого-то мужа? Муж – самое бесправное существо на свете. Привычная часть дома, вроде коврика у двери. Все они считают, что достойны лучшего, а тот, кто рядом с ними, лишь занимает место их идеала. Одним словом, мужа ты можешь не принимать в расчет. А любовник... Ну, тут уже все будет зависеть от тебя. Создай себя так, чтобы ты был заведомо лучше этого парня. Сильней, сексуальней, круче. Ты ее получишь – поверь опыту много повидавшего человека. Я циник, но этот цинизм основан на опыте. Опыте десятков и сотен людей. У меня было время выслушать множество разных историй и сделать выводы. И я научу тебя всему, что знаю сам. Я покажу тебе мир таким, каков он на самом деле...

– Да, – повторил Руслан, задумчиво крутя в руках бокал, – я знаю, каков этот мир на самом деле. Кому-то жизнь кажется игрой, но это иллюзия. Жизнь – это сплошная борьба за выживание. И даже если тебе повезло и ты родился в столь удачное время в столь удачном месте, что тебе не грозит борьба за выживание физическое, то начинается борьба за обладание самым большим домом, самым быстрым автомобилем, самой красивой женщиной.

– И чего же достиг именно ты в этой самой борьбе?

– Практически ничего.

– А чем пожертвовал, чтобы добиться столь впечатляющего «результата»?

- Практически всем.
- Что ж... По крайней мере честно.
- Но я доволен.
- Вот как? Чем же?

– Есть я. И стыдиться себя мне не приходится. Машины, деньги, кутежи с друзьями – все это мишура. Самое главное – то, кем я стал. А это значит, что у меня есть шанс получить весь мир... А можешь ли ты ответить так же честно: чего достигла ты и чем пришлось пожертвовать ради этого?

Она пристально взглянула на него и поднялась из-за стола.

– Проводи меня до гостиницы. Я устала. День выдался не из легких. Да и завтрашний не сулит отдыха... Да, чуть не забыла... С днем рождения тебя, Руслан...

Этой ночью ему снился Петербург. Он уже забыл, когда последний раз видел подобные сны. Обычно ему снились либо кошмары, либо голые шлюхи, либо ночь проходила в сером тумане незапоминающихся миражей.

Город во сне был величественным, солнечным, убеленным тополиным пухом. И он бродил с Таней по гранитной набережной Невы, и наступившая белая ночь была тепла и наполнена запахом сирени... Не в его характере, да и с каких впечатлений? Судя по выдавшемуся дню, скорее должно было привидеться нечто вроде «Воскресших мертвецов». Но как бы там ни было, а утром он поднялся с кровати в превосходном настроении.

Переодевшись в выходной костюм, Руслан уже подходил к своей машине, когда его окликнули. В припаркованной неподалеку «копейке» сидели знакомый ему капитан уголовного розыска Заозерный и паренек лет двадцати пяти, имени которого он не знал, но пару раз встречал во время милицейских рейдов.

– Наше вам, Виктор Петрович, – весело приветствовал капитана Руслан, – уж не по мою ли душу явились? Если хотите поздравить с днем рождения, то опоздали малость – он был вчера. Впрочем, для вас, так и быть, сделаю исключение. Выслушаю.

– Ну уж выслушать по-любому придется, – хмуро сообщил Заозерный. У него вообще было неважно с чувством юмора. – А то, что мы к тебе по поводу твоего дня рождения, так это ты угадал.

Он с трудом выбрался из машины – весил капитан килограммов под сто двадцать – и вразвалочку направился к Руслану. Помощник поспешил следом. Рядом со здоровяком-капитаном этот худощавый паренек смотрелся довольно-таки комично.

– Что у вас там произошло?

– В каком смысле? – удивился Руслан. – День рождения произошел. Праздник. Бабы. Водка. Гудеж, одним словом. У вас иначе бывает?

– А кончилось чем?

– Водка, бабы, – принялся загибать пальцы Руслан, изображая напряженные воспоминания о былом, – затем бабы и водка, а закончилось все... погодите, погодите! Да, точно! Водкой и бабами! Тяжелый был день.

– Не придуривайся, Зотов, – исподлобья взглянул на него капитан, – я про выстрелы говорю. Про выстрелы и про труп, который вы успели припрятать.

– Всегда говорил, что Головец – просто большая деревня, – огорчился Руслан, – одни сплетники да сплетницы... Ну напился народ до бесчувствия, ну, пришлось кое-кого по домам на руках разносить, но чтоб пьяных за мертвых принять... Нет, капитан, в данном случае ваши стукачи сами себя превзошли.

– Свидетели слышали выстрелы.

– Пить надо меньше свидетелям вашим. Они уже шампанское от выстрелов отличить не могут. Или, быть может, вам «совершенно случайно» попался какой-нибудь генерал в отставке,

который по хлопку в шумном городе за пару километров сразу определяет: «Это был Дезерт Игл»?

По угрюмому взгляду капитана Руслан понял, что никакого генерала у них нет. Вообще ничего нет, кроме слухов и домыслов.

– Да не напрягайтесь вы, капитан, – примирительно сказал ему Руслан, – этот ларчик открывается просто. Люди увидели возле кабака крутые иномарки, решили, что гуляет братва, и, когда на балконе начали «стрелять» шампанским, перепугались, а у страха глаза велики. День рождения громко отмечали – это было, но трупы, стрельба, свидетели... Лажа это, капитан.

– Не лечи меня, Руслан, – покачал головой Заозерный, – я работаю в этом городе двенадцать лет и хрен от плюшки отличить могу. Если я в чем-то уверен, то уверен, даже не располагая доказательствами. Доказательства – дело наживное. Это была стрельба. И труп был. Я это знаю.

– Виктор Петрович, – укоризненно протянул Руслан, – вы меня сколько знаете?

– С тех пор, когда ты еще кошек в ванне мучил.

– Ну, не совсем так, но, во всяком случае, с детских лет. Ментов я терпеть не могу – это правда, но лично вас – уважаю. Человек вы правильный, рассудительный, хоть и грубоватый, но справедливый...

– Ты что, меня клеить собрался? – хмуро усмехнулся капитан.

– Вы не девица, чего вас клеить?! Просто посудите сами, по справедливости: вы хоть раз слышали, чтоб я разрешал своим хлопцам с оружием по городу таскаться? Тем более на своем собственном дне рождения?

В лице Заозерного впервые промелькнуло нечто, отдаленно напоминающее неуверенность.

– А теперь представьте, что я сделал бы с тем гаденышем, который притащил бы на мой день рождения ствол? – продолжил Руслан. – Шампанское это было, капитан.

– Да, можно было бы принять это за версию, если бы не один нюанс... Кровь там нашли во дворе. Много крови. Дождь не успел смыть всю. И такое количество юшки наводит только на одну мысль...

– О расквашенном носе, – уверенно закончил Руслан, – там драка была. Я какой-то шум слышал, но даже выходить не стал – чего беспокоиться, если все свои на месте. А может, дело намного проще: курицу повара зарезали. Кабак все-таки. Не надо все странное на нас валить.

– Смущает меня и еще один момент, – признался капитан, – когда мы туда приехали, то тебя почему-то не застали. Странно, правда? День рождения у тебя, все гости в сборе, а именинника нет. И что особо примечательно – сразу после стрельбы.

– Шампанским, – с обаятельной улыбкой уточнил Руслан, – а что касается меня... Вы же знаете: я пить не люблю. Когда гости начали плавно клониться к разгулу, я взял свою девушку и тихо удалился. Чтоб не смущать своим начальственным видом парней и не портить настроение себе. Продолжал праздник, так сказать, приватно. Можете уточнить эту информацию у официантов в «Трех ключах». Сопоставить время моего отъезда из одного ресторана до приезда в другой и спросить себя: «Не ошибаюсь ли я?»

– Спросил, – сказал Заозерный, – и официантов спросил, и себя, любимого.

– Вот видите.

– Официанты подтверждают, а я... Все равно не верю.

– Официантам?

– Тебе. В «Трех ключах» ты действительно был. Но ведь после выстрелов, а не во время. Кстати, кто эта девица? Почему я ее не знаю?

– Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим операм, – печально сообщил ему Руслан. – Не обижайтесь, капитан, но эта информация – личного характера. Если у

вас есть уголовное дело и требуется опросить эту девушку как свидетеля... Что ж... Я человек законопослушный и буду вынужден вам эту информацию предоставить. Но если вы любопытствуете в частном порядке, то... Извините великодушно...

– Руслан, а где сейчас находится некто Федор Иванович Назаров? – неожиданно спросил Заозерный.

«Быстро работают, сволочи, – мысленно вздрогнул Руслан, – и самое поганое, что этот вопрос подтверждает Танину правоту. От моих парней они эту информацию получить не могли. Вычислить... Возможно, но не так быстро... Неужели Назаров действительно был стукачом? Тогда неудивительно, что менты его так быстро хватились. Хотели спросить про стрельбу, а “дятел”-то... того... улетел. Надо сознаться, что ситуация отстойная».

– Федор? – пожал плечами Руслан. – Не знаю. Наверное, лежит где-нибудь в хате, после вчерашнего отходит. Да и где может быть человек, который пил всю ночь напролет? Скорее всего, в отключке... А что?

– Да нет, пока ничего, – Заозерный особо подчеркнул это «пока», – ладно, Руслан. Извини, что побеспокоили. Можешь идти... Еще увидимся.

– Типун вам на язык, – с той же непринужденностью улыбнулся Руслан, – я говорил, что уважаю вас, но не говорил, что счастлив видеть. В силу тех причин, которые уточнять нет смысла.

Заозерный хлопнул дверцей своей «копейки» так, что по двору пошло гулять эхо. Ненавидели Руслана в местной милиции от души. Но ненавидеть – ненавидели, а сделать ничего не могли. Коммерсанты, с которых его бригада снимала «дань», были выдрессированы на совесть, свидетели, возникающие в случаях отдельных прецедентов, молчали, как убитые, а техника местному УВД досталась в наследство еще от дедушки Берии. Вот и получилось, как в присказке: видит око, да зуб неймет. Это осознание собственной беспомощности и бесило их до зубовного скрежета. Руслана, наоборот, забавляло. К «профессиональным» праздникам он даже присылал им подарки с дарственной надписью: «Стражам порядка от благодарной братвы».

Как правило, это были либо огурец в кобуре, либо дыня в милицейской фуражке. Разумеется, это было чистой воды ребячество, но поделаться с собой Руслан ничего не мог – уж больно смешной казалась ему местная милиция. Даже скучновато. Вместо воровской романтики, риска приходилось заниматься какой-то бюрократической волокитой. Но ушедший на зону четыре года назад Луза запретил рисковать без крайней надобности. Деньги вобщак из Головца поступали бесперебойно, работа была налажена как часы, и старый вор хотел, чтобы все оставалось так и впредь.

По сотовому Руслан сделал заказ в «Трех ключах» и тут же перезвонил Тане в номер:

– Привет, это я. Ты завтракаешь в одиночестве или предпочтешь мою скромную персону в качестве сотрапезника?

– От завтраков в моей компании ты быстро протянешь ноги, – засмеялась она, – я на диете. Талия и все такое...

– «Все такое» у тебя в полном порядке, – заверил Руслан, – и чашка утреннего кофе твоей талии не повредит.

– Кофе не люблю, – сообщила она, – а вот от свежесжатого сока из апельсинов не откажусь.

– Для тебя выжму сок хоть из изюма, – пообещал он, – собирайся, я скоро заеду.

При свете дня она выглядела еще великолепней. Светло-голубой джинсовый костюм, украшенный вышивкой и чем-то вроде белой бахромы на рукавах и штанах, был явно безумно дорог даже для Питера, а уж в нашей провинции должен был вызывать у встречаемых девушек настоящий шок. Туфли «PATRICK COX», белоснежная футболка из дорогого бутика, распущенные по плечам длинные светло-русые волосы, серые глаза с кошачьим прищуром, темно-

русые брови, придающие ее лицу какое-то особое, трогательно-надменное выражение, чувственный рот-треугольничек...

– Дверь откроешь?

– Что? – очнулся он. – Ах, да, извини...

Он обежал машину и поспешно распахнул перед ней дверцу.

– «Альфа Ромео-156», – провела она рукой по приборной доске, словно лаская машину, – свыше двухсот километров в час, электронный вариатор фаз, передний привод, климат-контроль и так далее и тому подобное... Замечательная игрушка. Когда надоест моя «тележка» – обязательно возьму именно такую.

– А что за «тележка» у тебя, если, конечно, это не секрет?

– Спортивный джип.

– Спортивный?!

– Ну да. Какой же русский не любит быстрой езды.

– Наверное, я – китаец. За рулем – как старая бабка... За исключением так называемых «рабочих моментов». В остальных случаях не больше ста двадцати.

– Хвастун, – улыбнулась она, – и позер.

– Скорее последнее, – легко согласился Руслан, – как всякий провинциал, я лелею глубоко спрятанный комплекс неполноценности. Вот он-то и определяет мою линию поведения перед столичной гостьей. Если б не было машины, я бы, наверное, рассказывал, как хожу по выходным на медведя с одной зубочисткой или как по вечерам по Интернету обыгрываю в шахматы Крамника и Каспарова. Чем еще в такой глуши хвастаться?

– А зачем вообще хвастаться?

– Не знаю... Но мне приятно.

– Так это ты ради себя, любимого? А я-то думала...

– Еще чего! И не надейся! Я – законченный эгоист. Самый фанатичный член клуба имени Руслана Григорьевича Зотова. И убежденный себялюбец. Но, если хочешь, могу по большому благу принять в этот клуб «для избранных». Обещаю быстрый карьерный рост и многочисленные блага.

– Нет уж, спасибо, – рассмеялась она, – у меня есть свой собственный клуб.

– Имени Татьяны Игоревны Яковлевой? – Он старался, чтобы это прозвучало весело и беззаботно, но голос предательски дрогнул, и девушка тут же среагировала:

– Любопытной Варваре нос оторвали. И кто тебе вообще сказал, что я все еще Яковлева? Может быть, я давным-давно какая-нибудь «мадам Грицацуева» с полдюжиной маленьких «грицацуйчиков»?

– Ну, насчет «грицацуйчиков» я не беспокоюсь – с твоей фигурой это невозможно. Полагаю, что и одного еще не было. Да и характер...

– Что «характер»?!

– Характер – незамужней женщины, – уверенно ответил он, – я такие тонкости нутром чую.

– А что еще чуешь? – насмешливо покосилась она на него. – Может быть, присутствует «бабье одиночество» или какая-нибудь там тоска брошенной женщины?

Ни одиночества, ни тоски в ее взгляде не было, и Руслан промолчал. Обед не задался. По большей части они молчали, ограничиваясь несколькими незначительными фразами.

– Когда уезжаешь? – спросил он на обратном пути. – Сегодня или нас дождешься?

– Планировалось, что я должна проводить вас до места, контролируя, чтобы не было накладок.

– У нас накладок не бывает. Не дети малые.

– А Назаров?

– Исключение, которое лишь подтверждает правило. Если ты не уезжаешь, то, может быть, позволишь продемонстрировать тебе свои владения? Скажем, сегодня вечером?

– Не люблю экскурсий.

– Много времени это не займет – городишко-то игрушечный. К тому же чем еще ты можешь здесь заняться?

– Что ж... Твоя правда. Часов в семь – устроит?

– Вполне. Я заеду за тобой.

Руслан высадил ее у гостиницы, распрощавшись до вечера. Теперь ему предстояло нелегкое объяснение со своей бригадой.

По сотовому он связался с Нечаевым:

– Саша, это Зотов. Как у вас дела?

– А сам как думаешь? – Судя по голосу, он был изрядно пьян и зол. – Не впервой запутки, но уж закос слишком крут.

– Догадываюсь. Но так надо, Саша. Поверь.

– Ох, Руслан, Руслан... Был бы кто другой, а не ты...

– Говорю тебе: так надо. Придет время – объясню.

– Чего уж теперь...

– Ты в состоянии приехать ко мне?

– Да. Только потребуется время. Холодный душ, то да се... Я же еще не ложился со вчерашнего дня – менты трясли.

– Считай это издержками производства. К двум часам соберешься?

– Постараюсь.

– Прихвати с собой наших: Кротова, Патокина Стаса, Ваню Яковлева и Мишку Розанова.

– Что-то намечается?

– Тема есть. По первым прикидкам – сладкая.

– Со вчерашним связана?

– Да. Косвенно.

– Что же в ней сладкого, если со жмуриков начинается? Ты человек городской, несусеверный, а я в деревне вырос. В приметы сызмальства верю... Очень сладкая?

– Не телефонный разговор. Приедешь – расскажу, – пообещал Руслан и отключил «трубку».

Своей квартиры Руслан не стыдился даже перед столичными гостями. Пятикомнатная, в доме еще сталинской постройки, с евроремонтом и двумя душевыми. Кожаная мебель, антиквариат, напичканная техникой аж под самый потолок. Не из-за тяги к роскоши – подобной слабинки за Русланом не замечалось, – Луза встречался здесь с нужными людьми, когда гости не хотели, чтоб их видели вместе. А дела Луза вел и с администрацией города, и с бизнесменами, и даже милицееское начальство сюда хаживало. Луза считался «твердым», идейным законником и по правилам не мог иметь ни подобной квартиры, ни контактов с властями. Но новые времена требуют новых поправок к старым законам. Потому-то и нужен был ему Руслан со своей бригадой.

То, что не мог позволить себе Луза, мог сделать Руслан. Довольно иезуитский подход к проблеме, но старый вор понимал: не будь Руслана, появятся другие, и неизвестно еще, захотят ли они сотрудничать с ворами, а уж тем более «ходить под ними». Вообще-то Луза здорово тяготился этими «нововведениями», но что делать? Луза надеялся, что все это ненадолго.

Руслан же понимал всю тщетность надежд старого вора, но не возражал. В душе он предпочитал строгую формацию воров нынешнему скопищу крадунов и отморозков. По крайней мере у «законников» были традиции, иерархия, была история, а что имелось за душой у современного «бычья»? Амбиции, излишняя жестокость, чувство вседозволенности и безграничная жадность. К сожалению, несмотря на его знание воровских законов и таких наставников, как

Луза и Север, Руслан не мог быть коронован в «законники» – виной тому и служба в армии, и образ жизни, отличный от «рекомендуемого», способ ведения дел и многое, многое другое.

Но именно эти «ветры перемен» давали ему шанс. Правда, для этого и теперь требовалось сделать пару ходок «в места не столь отдаленные», и хоть это не слишком улыбалось Руслану, но, как известно, без труда не выловишь и рыбы из пруда. Выбирая стиль жизни, выбираешь и связанные с ним трудности. К тому же с его связями и знаниями зона не должна была пугать обреченностью. Но все же, все же... Как-то не манило.

Луза и Север пробирались к самой верхушке воровской власти. Любили свой образ жизни, чтити его законы, про воровскую романтику рассказывали так, что заслушаешься, но ведь и тот и другой всю жизнь прожили одинокими волками, потому что вор не должен иметь ни жены, ни детей, ни иных родственников. Конечно, так и по жизни проще идти – предают только близкие и друзья, враг не предает, – да и ответ только за себя держишь. Но все же, все же...

Без пяти два все вызванные им уже стояли на пороге. Проводив их в гостиную, подождал, пока рассядутся на диванах, и, оглядев сосредоточенные, чуть хмурые лица, сообщил:

– Кажется, я должен кое-что пояснить. Назаров стучал ментам, парни.

– Чушь! – воскликнули разом несколько голосов. – Галиматъя на постном масле! Лажа ментовская! Быть не может!

Руслан подождал, пока схлынут первые эмоции, и продолжал:

– Я сам поверил не сразу. Но информация пришла из источников столь надежных, что сомневаться в ее достоверности не приходится. Удалось ментам его подловить, что уж там говорить...

– Эти твои «источники» могли ввести в заблуждение, – заметил Кротов. – Я знаю... знал Федьку с детства. Он – стукач? Фуфло это свинячье!

– Олечка, поверь, что не предают только враги, – вздохнул Руслан, – к ним это по определению не подходит. Во врагах всегда можно быть уверенным. Предают только друзья и женщины. А самое поганое в том, что, сколько ни заставляй себя это вызубрить наизусть, все одно враспloch застает... Думаете, я этому рад? Вроде бы выявили стукача, ушли от лишних геморроев, а... лучше бы и не выявляли. Да и разрешилось все без нашего участия. Там, – он ткнул пальцем в потолок, – узнали и сделали. А нас, как всегда, сунули носом в грязь, под ковер заметенную. В общем – очередное дерьмо.

– Руслан, – сказал Нечаев, глядя куда-то в окно, – я вот о чем все время думаю... А что, если завтра они решат, что стукач я? Или кто-то им наплетет, что Зотов с ментами завязан? Мы так и будем по чужой наводке друг дружку на куски резать? Не овцы же, право слово...

– Нет, не овцы, в том-то все и дело. У овец все иначе. Про естественный отбор слышал? В первую очередь на клык больные да слабые попадают. И это правильно, потому что одно больное животное может все стадо загубить. Кто из вас на нары хочет? Я все понимаю, пацаны, но подумайте вот о чем... На вас его крови нет. Но и то, что он никого ментам сдать не успел, – тоже не наша заслуга. У серьезных людей есть кассеты с записями его бесед с ментами. Они уже поработали с ним, и он прогнулся. Еще бы немного... давайте закончим на этом. Мне, как и вам, все это тоже не в масть. Одним словом, как ни крути, а на свободе лучше. Не мы ему рыли яму, а он нам. Но собрал я вас по другой причине. Нас зовут в Питер.

– Гастроль? – оживился Кротов. – Что-нибудь крупное?

– Да, – подтвердил Руслан, – крупное и сладкое. Серьезные люди темы дают. Нужно человек шесть-семь. Я отобрал вас. Тем будет несколько, и это, вероятно, займет пару недель. Теперь давайте вопросы.

– Кто зовет? Чем заниматься? Кидалово или гоп- стоп?

– Не знаю, – признался Руслан, – обещают разъяснить на месте. А зовут люди очень серьезные, так что облажаться нельзя. На новый уровень выходим, парни. Долевое участие

определим в Питере, но обиженных не будет – обещаю. Выезжаем завтра, шестичасовым поездом. Никаких «стволов», никаких – «выкидух». С собой брать только одежду и зубные щетки. Если у кого-нибудь есть проблемы, требующие его присутствия здесь, говорите сейчас.

Он выждал минуту. Все молчали.

– Хорошо. Билеты возьму я. Сбор завтра в полшестого на вокзале.

Когда они ушли, Руслан посмотрел на часы, вздохнул и, сняв телефонную трубку, набрал номер:

– Вика? Здравствуй, это я. Поговорить надо. Я подъеду?

С Викой Сибирцевой они были знакомы уже два года. Она приехала в город откуда-то с Урала после смерти бабушки, оставившей ей в наследство двухкомнатную квартиру. Руслану пришлось немало повозиться, отбивая ее у местных денежных мешков и политических тузов. Но она того стоила. Изумительно красивая, не испорченная нравами современных мегаполисов, она чувствовала настроение Руслана как никто другой. Что поражало, так это ее улыбка. Она улыбалась так искренне и обаятельно, словно радовалась каждому дню жизни и каждому человеку, попадавшемуся на ее пути. Руслан отдыхал рядом с ней.

– Привет, – сказала она, распахивая дверь квартиры, – заходи. Чай или кофе будешь?

– Нет. Я на минуту.

– Даже в комнату не пройдешь?

– У меня действительно мало времени. Я только хотел... должен...

– Сказать, что ты уходишь от меня, – понимающе улыбнулась она.

– Как... Откуда ты знаешь?

– Догадалась. Я видела тебя вчера в кафе рядом с этой девушкой. Видела, как ты смотрел на нее... Как говорил с ней.

– Я даже не заметил тебя, – смутился Руслан.

– Неудивительно, ты был полностью увлечен своей собеседницей. Старая знакомая?

– Да... Прости меня, – неожиданно для самого себя попросил он, – мне было чертовски хорошо с тобой... Но...

– Ее ты любишь, – кивнула она, – понимаю. Странно слышать, что ты просишь прощения. Я думала, ты не знаешь этого слова.

– Я тоже так думал.

– Она приехала к тебе?

– Да... То есть нет... Не так, как ты имеешь в виду. Она приехала по делу, и еще ничего не ясно, но мне представился шанс – понимаешь? Дня не проходило, чтобы я не думал о ней... Наверное, я не должен тебе это говорить...

– Я это чувствовала, – призналась она, – догадывалась, что в юности у тебя был кто-то, кого ты не можешь забыть до сих пор. Потому никогда и не спрашивала тебя о прошлом. Да и по характеру ты из тех, кого журавль в небе манит больше, чем синица в руках.

– Какая же ты синица? – грустно отозвался он. – Ты жар-птица. Это я – Иван-дурак... Как думаешь: мы сможем остаться друзьями?

– Попытаемся, – ответила она, – наверное, это будет единственный в мире случай, когда в подобной ситуации люди остаются друзьями. Надо попытаться создать прецедент.

– Ты всегда все понимала, – поблагодарил он, – не поминай лихом и... спасибо тебе.

– Друзья говорят: до встречи.

– До встречи, – повторил он и ушел.

В семь часов вечера он встречал Таню у входа в гостиницу.

– Решили выезжать завтра, – сообщил он, когда девушка села в машину, – тянуть не стали. Люди отобраны и предупреждены.

– Это хорошо, – чуть растерянно отозвалась она, – чем раньше, тем лучше... Ден пропал.

– Кто?

– Тот парень, который должен был разобраться с вашим стукачом, – пояснила она, – после исполнения должен был выйти на связь и... пропал. Раньше за ним такого не замечалось. Значит, что-то произошло.

– А просто загулять он не мог? – неуверенно предположил Руслан. – Работенка-то у него не из легких. Решил снять стресс, то да се...

– Ден – серьезный человек. Нет, что-то случилось, – вздохнула она, – мне звонил Север. Приказал поторопиться с отправкой.

– Если б этого Дена взяли менты – нас бы давно замели.

– Он не из тех, что в первый же день колются. Если произойдет чудо и они смогут его сломать, то это будет ох как не скоро. Да и в этом случае – нам-то что предъявить смогут?

– Его могли взять за старые грехи, – выдвинул еще одну версию Руслан, – а если и за Назарова, то... выходит, Таня, что стукачок-то и у вас имеется... Расклад к тому ведет.

– Не исключено и такое, – хмуро согласилась она, – неспроста в последнее время столько наших ребят мусора по зонам распихали. Север потому вам и велел в Питере никому без лишней нужды на глаза не показываться. Плохие игры пошли, Руслан.

– Жизнь такая. Работа такая.

Она не ответила, глядя куда-то в сторону.

– Может, партию в бильярд? – предложил Руслан, стараясь отвлечь ее от грустных мыслей.

– Осрамиться не боишься? – прищурилась она.

– Смело... Что же, давай тогда на пари?

– Это мне не интересно. На деньги я не играю принципиально, а на всякие глупости...

Впрочем, – в ее глазах зажглись озорные огоньки, – что ты можешь выставить на кон?

– Да что угодно, – самоуверенно сказал он.

– А что хотел бы потребовать с меня?

– Поцелуй.

– Идет, – протянула она узкую ладошку, – тогда расклад такой: если выиграешь ты – поцелуй с меня. Если я – тогда целовать тебе.

– Ну-у, – расплылся он в довольной улыбке, – в этом случае и смысл игры пропадает. Будем считать, что у нас ничья и обменяемся...

– Не торопись, – перебила она, – ты меня не так понял. Если ты проиграешь, то поцелуй будет с тебя. Но, во-первых, поцелуй в нос, а во-вторых, этот нос будет дядин.

– Чей?! – опешил Руслан.

– Дядин, – повторила Таня. – Я почему-то уверена, что Севера в нос еще никто не целовал. Забавно должно получиться.

– Да ты что? Как же это? Севера – в нос?!

– Ну да, – жизнерадостно подтвердила она и лукаво прищурилась, – испугался?

– Нет... Просто... Странное какое-то пари.

– Почему странное? Обычные «фанты». Ты же так был уверен в победе. Наверняка готов был биться на деньги, особняки и машины... Передумал?

– Я лучший бильярдист в этом городе, – сообщил он, пожимая протянутую ладошку, – а опешил не от испуга, а от неожиданности ставки. Но я готов. Можешь предлагать что угодно, хоть макаку в засос целовать в питерском зоопарке. Выигрыш все равно за мной будет.

– Я подумаю над твоим предложением, – пообещала она, – на крайний случай это будет второй ставкой...

– Ты сошел с ума?! – Север даже подался назад вместе с креслом. – Ты... ты этому в каком племени научился?

Руслан его понимал: сидит солидный человек в солидном кабинете за солидным столом, готовится к солидной беседе, а его – слюнявым поцелуем в нос. Тут даже не о субординации

речь. Тут невольно о психиатре задумаешься. Да еще о том, кого ты для серьезных дел в свою империю вызвал. М-да... Шок, да и только!

– Бильярдный долг – долг чести, – напыщенно произнес Руслан, резко опуская подбородок на грудь и по-военному шелкая каблуками.

Дядя приподнял бровь, перевел взгляд с Руслана на скромно потупившуюся Таню и понимающе кивнул:

– Угу... Развлекаемся, значит... А о том, что кроме саун она является директором бильярдного клуба, Танюша предупредить, разумеется, забыла. Как и о своих многочисленных призах?

– Помилуйте, Юрий Борисович, – медовым голосом пропела сероглазая провокаторша, – вы же сами меня учили, что виноват не тот омут, в котором черти водиться обязаны, а тот умник, что в него, не зная броду, с головой сиганет. Какой же лох играть станет, если катала ему изначально представится да еще крапленую колоду засветит?

– Тогда вот что... Во избежание дальнейших сюрпризов, – попросил Север, – ты, Руслан, шагов на десять от меня отойди и сообщи сразу: сколько еще фантов проиграл?

– Обижаете, Юрий Борисович, – укорил Руслан, – один раз, как известно, не... лох. Уж кому-кому, а вам должно быть известно, что настоящий катала поначалу дает наживочку, чтобы клиент в свою фортуна уверовал и как можно глубже крючок заглотил. И лох – как раз тот, кто после этого в раж входит, ставки повышая.

– Так, – сказал Север и перевел взгляд на Таню, – в таком случае, надо полагать, что дальнейших сюрпризов ожидать от тебя приходится?

– Да, собственно говоря, эта королева бильярда свое по вагону уже отпрыгала, – наябедничал Руслан.

– Как это? – удивился Север. – В каком смысле?

– В прямом, – пояснил Руслан, – на одной ножке, вдоль всего вагона, с русской народной песней: «Я у мамы дурочка, мне подруга – курочка».

– Веселая у вас поездка вышла, – констатировал Север. – Ладно, шутки в сторону. Присаживайтесь, рассказывайте.

Руслан опустил в массивное резное кресло у стола. Таня скинула туфли и, подобрав под себя ноги, устроилась на широком кожаном диване в дальнем конце кабинета, словно демонстративно отодвигаясь на задний план, предоставляя мужчинам возможность вести беседу. Однако напрасно. Дядя в родственную сентиментальность впадать не спешил, да и племянник явно не ощущал желания припасть к груди единственного оставшегося у него родственника.

– Рассказывать-то особенно не о чем, – сказал Руслан, – получил твоё послание. Отобрал наиболее надежных и опытных и вот приехал. К работе готовы.

– Неожиданности, странности были?

– Только с вашей стороны, – не сдержался Руслан. – Родственным подарком на день рождения я бы это не назвал. Не знаю, как у вас в Питере, а у нас о подобных акциях принято предупреждать заранее.

– У нас тоже раньше... предупреждали, – помрачнел Север, – вот и «греем» теперь ребят в «Крестах» да на зонах. Нет уж, последним козырем я рисковать не хотел. Обжегшись на молоке, на воду дуют. Я тебя с твоими хлопцами до последнего берег, в сделанном не раскаиваясь, да и тебе не советую. Или все же дать кассеты с записями его бесед в уголковке с мусорами?

– Не надо, – отказался Руслан, – тебе – верю.

– И на том спасибо. Хотя на будущее запомни, что исключения делать нельзя ни для кого. Особенно для самых близких.

– Запомню, – ровным голосом пообещал Руслан.

Север взглянул на него с легким удивлением, усмехнулся чему-то и продолжил:

– Где Ден? Куда мог деться парень, которого я послал к тебе с Таней?

– Это ты меня спрашиваешь? – удивился Руслан.

– Тебя, – спокойно подтвердил Север, – работал он на твоей поляне, а кому как не тебе знать расположенные на ней ловушки и лабиринты?

– Да я его в глаза не видел, – сказал Руслан, – и вообще... Не прими в обиду, Юрий Борисович, но до появления твоих эмиссаров на моей поляне порядок был как в казарме. Стоило приехать...

– А теперь представь, что было бы месяца через три-четыре, не появись мои люди, – перебил его Север, – разленился ты, как я посмотрю. Покоя захотел?

– Захотел бы покоя, стал бы инженером, – парировал Руслан, – а пока что я сижу перед тобой и жду начала конкретного разговора. Мне темы сладкие обещали...

– Темы будут, – заверил Север, – чего-чего, а этого добра накопилось с лихвой – знай разгребай. В другом проблема. Как ты уже понял: не все ладно в королевстве нашем Датском. По всему выходит, Руслан, что взяли нас в основательную разработку. Парни садятся один за другим. Со всех сторон теснят. И менты, и ФСБ, и конкуренты – шакалята слабину почуяли. Рвут годами возвращаемое, лелеемое, словно бобик – грелку. И слежку я за собой не раз замечал, и «жучки» мои хлопцы откуда только ни извлекали. Плотно на хвост сели, черти. Как по заказу работают. Рвение уж больно заинтересованностью отдает. Разбираюсь: что, как и откуда, но ведь на это время требуется, а работа не ждет. Доходы упали. Да и авторитет, как ни крути, а тоже поддерживать надо. Вот потому-то и достал я тебя из самого потаенного кармана, из самого дальнего уголка, где гниль и предательство еще махровым цветом расцвести не успели.

Есть для тебя и еще одна приятная весть. Отослал я для Лузы на зону маляву, в которой отписал про наши проблемы. На днях ответ получил. Возвращается он. Нелегко было это устроить, но друзья в беде познаются, от него иного и не ждал. Такой силой мы это невезение враз переломим. Так что не подведи, Руслан. Многое тебе дается, но и спрос за это большой будет.

– Не волнуйся, – заверил Руслан, – сделаем все как надо.

– Дай-то бог, – вздохнул Север. – Парни-то точно надежные?

– За каждого головой отвечаю. За всех вместе и за каждого в отдельности.

– Это очень важно. Как ни хоронись, какие меры безопасности ни принимай, а вычислят вас быстро. И удар основной на вас придется. Под ногами и менты будут путаться, и конкуренты. Если хоть какой кончик нити отыщут – ухватятся и раскрутят по полной. Для них все это важно не меньше, чем для нас. Здесь уж кто кого переживет. Поэтому я тебе все темы сразу выдавать не стану. Информацию будешь малыми дозами получать. Понемногу, по чуть-чуть, по мере необходимости. И дело здесь не в недоверии. Просто... Уж сколько техники хитроумной я своим секьюрити скудоумным накупал, чтоб информация налево не ушла, а толку... Словно менты в своих лабораториях человека-невидимку выдумали, и он за мной как привязанный ходит. Одним словом: информация – по мере необходимости. Да и ты своим парням выдавай ее разделенную на сто – понял? Никаких попок, никаких шалав! Вернетесь к себе с лаве – хоть до чертиков в милицейских фуражках напейтесь, а здесь чтоб забыли, как водка пахнет. Жить будете в надежном месте. Танюша у меня сектором развлечений заведует. Мы как раз новую сауну строим, вот в ней и поселитесь, если спросят – строители. Все удобства там есть. А сам ты поселишься в доме напротив. Квартиру уже сняли. Ребятам твоим я выделил две машины: «девятку» и «фольксваген». Ты получишь на время БМВ. Оружие для вас подвезут завтра прямо в сауну. Каждая из наших саун тайником оборудована, там всякое-разное хранить и будете. Рядом со мной никто из твоих парней даже близко появляться не должен. Да и ты... Тоже не части. Связь через сотовый, и то в крайнем случае. Надо – сам вызову. Связь будем поддерживать через Таню. Ей я верю. О деньгах говорить не стану – примета плохая, но если все выгорит – не пожалеешь.

– Сделаем все как надо, – пообещал Руслан. – С чего начинать?

– С простого. Есть человек, а у человека есть вещица. Одна незадача: не к месту она у него. Другим она куда больше нужна. И платить за нее готовы они так, что диву даешься: до чего людей их страстишки доводят...

– Это нам не впервой, – сказал Руслан, – адрес, данные человека, описание вещицы, дней пять на подготовку и...

– А вот тут возможны некоторые... м-м... специфические нюансы. Дело не в человеке – барыга как барыга, только что со страстью к коллекционированию... И даже не в том, что квартира его охраняется со всеми изысками двадцать первого века... Как ты относишься к филателии?

– К собиранию марок? – уточнил Руслан. – В детстве сам грешил. А сейчас даже на конверты не наклеиваю – писать некому.

– Дилетант, одним словом, – понимающе покивал Север, – а между тем работать предстоит именно с этим материалом. Вот адрес и фамилия человека, – он бросил на стол незаклеенный конверт, – там же и фотография того, что вам достать предстоит.

Руслан извлек из конверта вырезанную из какого-то журнала фотографию. Посмотрел. Перевел недоуменный взгляд на Севера.

– Да-да, – с усмешкой подтвердил тот, – я сам поначалу обиделся. Но заказчик назвал сумму, и шутки кончились. Раритет – что ты хочешь? Положа руку на сердце: я сам всей этой фигни не понимаю. Рубенс там или Ван Гог – понятно, бриллиант или сапфир – тоже ясно, но платить деньги за кусок штампованной бумаги... Но ведь платят. И платят подороже, чем за Рубенса или за алмаз. Причем – наличкой.

Теперь Руслан присмотрелся к фотоснимку повнимательнее. Ровный квадрат с рисованным кругом внутри. Двуглавый орел и герб города. Вдоль левого края надпись: «Тефлис», поверху: «Город С.», по правому: «Почта», снизу: 6 коп. Вот и все. На марку и то не похоже: ни зубчиков, ни штемпелей. Чушь какая-то. Но если за это платят, то...

– Сделаем, – вздохнул он, – сколько таких притащить надо?

Север грянул хохотом так, что даже прослезился. Отсмеявшись и оттерев повлажневшие глаза, извинился перед обиженным Русланом:

– Не обращай внимания. Понимаю, что ты в филателии – ни в зуб ногой. Просто не удержался... Одну надо притащить, Руслан. Всего одну. Как мне пояснил клиент, в мире всего три такие марки. Эта – четвертая. Неизвестная ранее.

– А коль у этого фраера еще подобная лабуда попадется? – уточнил Руслан. – Раз человек этот подобную дрянь коллекционирует, стало быть, кое-что за душой имеет. Про эту сболтнул где-то, а про другие умолчал... Заплатит заказчик, если сверх нормы предложение будет?

– А ты разбираешься в том, что предлагать собираешься? – урезонил его Север. – Подобные вещишки сбывать ой как хлопотно, а попасться на них – ой как легко. В молодости я от подобных «тройных коней» предпочитал держаться подальше. Золото, камешки да наличка редко особые приметы имеют, а вот такие штуковины... Впрочем... Если нюхом учуешь, что стоящее, – неси. Не возьмет – спалим тут же, от греха подальше. И все же: главное – заказ. Остальное – на твое усмотрение. Заказ специфический, так что сначала осмотришь и подумай: что тебе для исполнения потребуется.

– Чего тут думать? Я и так примерно представляю... Она потребуется, – не оборачиваясь, указал он на Таню.

– Зачем? – удивился Север.

– В помощь, – проявил Руслан лапидарность.

– Это я понимаю... Только она ведь не по этим делам – ты в курсе?

– В курсе... Была у меня как-то раз одна тема. Не такая, конечно, но нечто схожее есть... Одним словом, нужна смышленная девушка, которой доверять можно. Новых людей подтягивать – риск, так что...

Север пару минут размышлял, буравя племянника взглядом, потом повернулся к Тане:

– Что на это скажешь?

– Желания нет никакого, – откровенно призналась та, – но если очень надо...

– Что ж... Попробуем, – решил Север, – но за нее ты передо мной лично головой отвечаешь. Она и в лучшие времена для нас на вес золота была, а уж теперь...

– Я за каждого из своих людей головой отвечаю, – сказал Руслан, – на то они и «свои».

– Похвально, – кисло отозвался Север, кажется, он уже жалел о своем решении, – что ж, основное обговорили... Танюша, будь добра, достань нам из бара коньяк и фужеры. Хотя и в обстановке, приближенной к боевой, а за встречу выпить все же надо. Расслабься, племянник, не сиди как на приеме у венеролога. Бери коньяк, наливай и рассказывай, как ты там все эти годы...

– И все же обидно, – признался Руслан, когда они с Таней вышли на улицу, – сколько лет не виделись, единственный близкий мне человек, а... во рту вкус не коньяка, а сухарей.

– Он по определению «сухарем» быть обязан, – заступилась за Севера девушка, – ни родственников быть не должно, ни семьи... И без того слишком много разговоров о тебе было. Тебе знать не следовало, а между тем Север с тебя глаз не спускал: не дай бог что с племянником случится. Не замечал разве, что все эти годы серьезных проблем у тебя вроде как и не было, а если и возникали, то как-то подозрительно быстро рассасывались.

– Вот только не надо из дяди ангела-хранителя делать, – поморщился Руслан, – проблемы были, и решал я их сам. За помощью ни к кому не обращался.

– Это тебе так кажется, – сказала она, – потому как хочется, чтоб все было именно так. Проблема проблеме рознь. О многом ты до сих пор не догадываешься, даже не подозревая, какие тучи у тебя над головой промчались, ни молнией, ни громом себя не обозначив. Был бы проницательней – догадался бы, что власть над целым городом мало изнутри поддерживать, тут надо еще целые грозди внешних проблем решать... Любит он тебя, Руслан. Уж я-то знаю. Просто показывать не хочет. Такой он человек. Но разве стоит его за это винить? Любовь ведь не словом, а делом проверяется. Север – настоящий мужик. Умный, правильный, сильный... Редкий.

– Ты в него не втюрилась, часом? – покосился он. – А что? Он мужик красивый, импозантный, еще не старый. На этого похож... Который Джеймса Бонда играл...

Таня остановилась, глядя исподлобья и словно выбирая фразу похлеще. Руслан, вызывающе выпятив вперед челюсть, ждал.

– Вот что... Завтра, в час дня я буду у тебя, – пересилив себя, вернулась она к делу, – к тому времени доставят оружие, а нам надо будет наметить первоначальный план. Подумай, что тебе и твоим парням потребуется на время пребывания в городе. Завтра скажешь мне – постараюсь все организовать. Пока.

Повернулась и пошла в противоположную сторону. С надменно поднятой головой, всем своим видом выражая независимость. Руслан смотрел ей вслед, но, как только она завернула за угол, из него словно выпустили воздух.

«Веду себя как затюканный жизнью барыга, – подумал он, – а ведь каким гусаром начинал: усы распушил, оружием побряцал, вскочил на коня и ринулся на штурм женского сердца, как Дон Кихот на ветряные мельницы. Почему так всегда: в воображении все складно выходит, а на деле... Нет, ты все же попытайся себя понять, разобраться. Что тебя раздражает? То, что при встрече дядя от радости стойку на руках не сделал? Или то, что та, которую ты до сих пор любишь, с первой же минуты на грудь не бросилась, слезами раскаяния заливаясь? Нет, видимо, не время еще в себе копать. Слишком сильно в меня какие-то детские обиды вцепились, крутят и грызут, выхода требуют... Что ж, будем глушить их, как умеем».

Он оглянулся. Метрах в десяти, на противоположной стороне улицы, призывно горели витрины какого-то третьесортного кабака. У входа жизнерадостно гоготали несколько заты-

нутых в кожанки бритоголовых. Докурив (видимо, в городе вновь появились рестораны для некурящих), они побросали окурки рядом с урной и направились внутрь. Входящий последним обернулся, словно почувствовал недобрый взгляд Руслана, пренебрежительно окинул его с головы до пят, длинно сплюнул сквозь зубы и закрыл за собой дверь.

«Вот и хорошо, – подумал Руслан, – вот и ладненько. То, что доктор прописал...»

Он повел под пиджаком плечами, проверяя эластичность мускулов, и двинулся следом...

– ...Я и не спорю, – сказала Таня, ровными шагами меряя комнату Руслана от двери до окна, – с точки зрения логики филателия – нонсенс. Не просто завышенные, а скорее искусственно созданные ценности. Искусственно созданная область искусственно завышенных химер. Блажь. Каприз. Но ведь удачный каприз. Пришедшийся ко двору многих государств, занимающий десятки тысяч умов и воплощенный в реальность настолько, что стал целой отраслью. И не из дешевых...

Руслан сидел, погрузившись в мягкое кресло, и расслабленно наблюдал за ней. Настроение у него было не в пример вчерашнему. Правда, воспоминания о том, как он «выправлял» настроение, вызывали легкий румянец: набил морды двум подвыпившим придуркам, увел из-под носа какого-то малолетнего «быка» такую же малолетнюю шлюшку, нажрался с ней до поросычьего визга, едва успев выпроводить на следующий день за считанные минуты до прихода Тани...

«Как пэтэушник, – подумал он без раскаяния, – нашкодивший и непойманный. Как мало надо человеку для счастья: поставить под удар всю операцию, едва не обгадить все дядюшкины планы, едва не опозориться в глазах собственной бригады, в первую морду нарушая то, что строго-настрого запретил им, и, когда это благополучно сошло с рук, тащиться от собственного идиотизма...»

– Ты что-то сказал? – повернулась к нему Таня.

– Я?... Да вообще-то... Я сказал, что если кто-то когда-то придумал какой-то фетиш, на котором мы сегодня можем заработать, то этот парень не так уж и неправ. По мне так хоть спичечные этикетки, хоть оловянные солдатики, хоть розовые хомячки – лишь бы это можно было из одного места взять, а в другое продать.

– Это-то я как раз понимаю, – усмехнулась она, – но я говорю о другом. Коллекции драгоценных камней, старинных монет, оружия или картин имеют под собой хоть какой-то материальный фундамент, но марки являются продуктом исключительно договорной ценности.

– Танюша, не забивай себе голову подобной ерундой, – снисходительно посоветовал он. – Любая вещь стоит столько, сколько за нее заплатили. Если кто-то хочет платить большие бабки за эту марку, значит, он ее получит... Но за эти самые большие бабки.

– У тебя есть какой-нибудь первоначальный план?

– План? Ты хочешь курнуть травки? Да шучу я, шучу. Не сверкай так глазами. Настроение у меня хорошее, вот и дуркую. И вообще... Не обижайся на меня за вчерашнее. Что-то на меня накатило при возвращении в родной город... Расслабься, душа моя, достань из бара бутылку вина, налей себе бокал, сядь в кресло и послушай, что скажет тебе профессионал...

Она насмешливо фыркнула, но Руслан с удовольствием заметил, как из ее глаз исчезла болезненная настороженность.

– Что касается плана... Нет ничего нового в этом мире, не стоит и велосипед изобретать. Получить желаемое мы можем двумя способами. Способ первый: просто прийти и постараться убедить отдать нам марку...

– Разумеется, добровольно? – ехидно уточнила она.

– Это уж как получится... Способ второй: обманом узнать, где он ее прячет, и забрать без лишнего геморроя для него и для нас. Признаться, второй способ мне ближе,

– Так ты все же сторонник гуманных методов? Это отрадно.

– Отнюдь. Просто второй способ надежнее и занимает куда меньше времени. Чтобы прийти и взять то, что необходимо, достаточно пяти минут. Чтобы попытаться... Тут все зависит от множества факторов.

– Нет уж, – решила она, – давай сначала попробуем второй способ.

– Давай, – согласился Руслан. – Что нам известно о клиенте? Чуть больше сорока лет. Первичный капитал заработал на торговле цветными металлами – кстати, это говорит о хороших связях в криминальном мире. Затем вложил деньги в строительство. Три года назад развелся с женой. Содержит любовницу. Пятикомнатная квартира в центре города. Заядлый филателист. М-да, не густо... Как ты думаешь: насколько эта марка дороже предложенной нам суммы?

– Понятия не имею, – призналась она, – да и зачем это тебе? Ну-у... Может, тысяч на триста-четыре. Не знаю. Тут специалист нужен.

– Вот именно, – кивнул он, – эксперт нам необходим. Где мы можем найти какого-нибудь «головастика» по этому вопросу?

– Не знаю... Но у меня возник другой вопрос... Насколько я поняла, готового плана у тебя нет?

– И быть не может. Раз нет первичной информации – какой может быть план?

– Тогда зачем ты просил у Севера отрядить меня вам в помощь?

– Чтобы иметь возможность соблазнять тебя, не торопясь.

– Руслан!

– Да шучу я, что ты бесишься? Детально разработанного плана нет, но есть кое-какие наброски. Поверь, твоя помощь действительно понадобится.

Она кивнула, успокаиваясь. Зря. Хоть грабежи и похожи один на другой, как горошины в стручке, но присутствия девиц в них никто еще пока в обязанность не вменял. Просто в крупном деле всегда найдется место еще для одного человека, и Руслан это знал.

– Почему ты меня отторгаешь? – неожиданно спросил он.

– В каком смысле? – растерялась Таня.

– Я чувствую в тебе отчуждение. С самого начала, с первой же минуты нашей встречи. Мы знаем друг друга с раннего детства, и я никогда не делал тебе ничего плохого. Наоборот... симпатизировал тебе. А сейчас... Я даже боюсь называть вещи своими именами... Неприязнь? Неужели я так изменился, что стал противен тебе?

– Нет, – с легкой запинкой призналась она, – просто... я помню, как ты относился ко мне раньше. Понимаешь? Но ведь прошли годы. Изменилась я, изменился ты. У каждого из нас появилось прошлое, сложилась своя судьба. Признаться, я боюсь, что ты будешь претендовать на какое-то особое отношение...

– Я не покушаюсь ни на твое прошлое, ни на твое настоящее. Нам вместе предстоит работать, а мне будет сложно общаться с тобой, чувствуя твою постоянную настороженность. Давай условимся так: только дело. Работаем командой. Грамотно и хладнокровно, как профессионалы. Закончим дело – будет видно. Будет обоюдное желание – будут перспективы. Нет – мы взрослые люди, не померем от комплекса неполноценности. А пока не стоит личное тянуть в рабочие моменты. Мешать будет. Договорились?

Она благодарно улыбнулась, протягивая ему узкую ладошку. Руслан с благородной улыбкой скрепил этот договор рукопожатием...

Старый, как мир, обман. И даже подлым его не назовешь – ведь в данную минуту Руслан был вполне искренен. Не мог же он завоевать женщину, считавшую его врагом своих иллюзий? Видимо, не зря женщины утверждают, что «все мужчины – сволочи, только одни – сволочи обаятельные, а другие – нет». Руслан был обаятелен. И он будет лгать, хвастаться, безумствовать, интриговать, отступать и нападать, трусить и геройствовать, но только ради нее... Ради нее...

- Ну и как вы здесь устроились? – спросил Руслан у Нечаева. – Претензий нет?
- Устроились неплохо, – ответил тот. – Доверенности на машины уже сделали, оружие привезли и спрятали в захоронку. Вообще городские работают оперативно. Когда на дело?
- Уже скоро, – пообещал Руслан, – надо только кое-что пробить. Для этого мне нужен кто-нибудь попредставительнее.
- Федька Назаров был бы в самый раз, – вздохнул Нечаев. Руслан промолчал, выжидательно глядя на друга.
- Кротов Олежка в лифте неплохо смотрится, – после минутной паузы сказал Нечаев. – Позвать, что ли?
- Зови.

Возле первой попавшейся конторы с вывеской «Изготовление визитных карточек, печатей и штампов» Руслан остановил машину.

- Какой у вас минимальный срок изготовления визиток? – спросил он принимавшую заказы девушку.
- Зависит от количества и качества интересующей вас продукции.
- Достаточно будет дюжины... Две дюжины, – поправился он, – на двух человек. Чтоб было строго, но со вкусом. За срочность плачу отдельно. За пару часов управитесь?
- Вполне, – заверила она, выкладывая на прилавок папку с обрезками и доставая блокнот, – диктуйте текст.
- Кто такие Данилов и Швейцова? – спросил Нечаев, когда они вышли на улицу.
- Журналисты, – сказал Руслан, – Даниловым буду я, Швейцовой – Таня. Надо кое-куда без мыла влезть, а под личиной журналистов это самое то. Надо было бы, по большому счету, удостоверениями журналистскими запастись, но время поджимает. Будем надеяться, что и так прокатит.
- А что это за ТРП? Сроду не слышал...
- «Телевидение Реальных Пацанов», – усмехнулся Руслан. – Какая, к черту, разница? Сейчас на телевидении целая куча каналов. Не думаю, что те лохи, к которым мы собираемся, часто телевизор смотрят. На худой конец скажем, что открывается новый канал, вот мы и готовим для затравки пару репортажей покруче. Надо будет попросить Севера камеру достать, со всеми прибабасами. Кстати, носиться с ней будешь ты. Крутить, щелкать, и что там еще с ней делают...
- Не проще было репортерами из газетенки представиться?
- Так понту больше. Пусть думают о том, как на экране выглядеть будут, а не о том, что мы за черти из табакерки... Хорошо, что напомнил. Остановимся у магазина попримичней: надо костюмы выбрать.
- Ненавижу клифты, – признался Олег, – пиджаки движения стесняют, а галстуки – так это просто удавки...
- Потерпишь, – сказал Руслан, – не в спортивном же костюме ты туда идти собрался? Искусство, Олежка, требует жертв... И от тех и от других...

Выбрав одежду и забрав визитные карточки, они заехали на Московский вокзал, где Руслан сторговался с бабулей, сдающей квартиру посуточно. Старая ведьма заломила такую цену, словно не на пару дней хату сдавала, а на сезон, зато ключи от квартиры они получили сразу и записали на визитках номер телефона. Из купленного в ближайшем ларьке справочника Руслан выбрал клуб с забавным названием «Голубой Маврикий» и набрал указанный номер:

- Добрый день. Вас беспокоят из телеканала ТРП. Мы готовим репортаж о филателистах в нашем городе и хотели бы задать вам несколько вопросов. С кем я могу поговорить на эту тему? Одну минутку, я запишу... Аверьянов Геннадий Борисович? Он сейчас на месте? Я подожду... Геннадий Борисович? Здравствуйте, вас беспокоят с телевидения. Нам поручили

подготовить репортаж о филателистических организациях... Поможете? Ну, общее обозрение, пару-другую интересных историй, наболевшие проблемы – все как обычно... Когда вам будет удобно? Завтра, часика в три? Отлично. Адрес у нас есть, подъедем вовремя. Всего наилучшего.

Опустив трубку, подмигнул Олегу:

– Голубой он там или нет, но то, что Маврикий, – это точно. Неизживаемо все же в русском интеллигенте желание прославиться и свою морду перед толпой засветить...

Назавтра, без десяти минут три, они уже входили в офис клуба. Руслан был затянут в серый костюм-тройку, тщательно выбрит и чванливо пафосен. Это настоящему журналисту требуется к себе клиента расположить и в душу влезть. Руслану же требовалось, чтобы впоследствии возможные свидетели (а крайними предстояло быть именно этим бедолагам) присматривались не к его приметам, а к манере поведения. Отсюда и танцевать будут, эмоционально описывая «неприятного брюнета с брюзгливым выражением лица». Таня, напротив, скакала этакой восторженной журналюшечкой, в консервативных блузке-юбочке и огромных роговых очках на пол-лица.

Шикарную гриву волос пришлось убрать в безвкусный «конский хвост», а на палец надеть обручальное кольцо (пригодится, если описание будут составлять женщины). Олег волочил на себе огромный агрегат, одолженный где-то Севером на пару дней, и выглядел типичным работягой-оператором: стильно небритым, деловито-озабоченным, внушающим уважение...

– Здесь снимать будем, – распорядился он, отыскав в конце длинного коридора тихую комнатку, – мешать нам не будут, места достаточно, розетки для аппаратуры есть.

– Но тут же нет окон, – робко заметил старичок, представившийся Руслану как Геннадий Борисович.

– Свет я и сам создам, – отрезал Олег, – мне интерьер и рабочая обстановка важнее.

«Интерьер» здесь и впрямь был чуть позначительней прочих помещений с осыпающейся штукатуркой и колченогими стульями. Явно начальственный был кабинет, вот и менжевался секретарь клуба Геннадий Борисович, но перечить внушительному оператору не решался – уж больно тот был строг и деловит. Кабинет Олег выбрал правильно: в остальных помещениях находились люди, и выгнать их на время «интервью» значило получить за дверью пару лишних ушей, а это было совсем ни к чему.

– Присаживайтесь, Геннадий Борисович, – засуетилась Таня, приглашая оробевшего от подобной напористости старичка за огромный письменный стол, – вот так... сюда мы пару книжек потолще бросим, для солидности... Сюда – бумаги... Вам удобно? Расслабьтесь, поставьте вести себя естественно. Позвольте, я вам микрофончик закреплю... Вот так... У оператора все готово?

– Ракурс хороший, – пробасил Олег, прицеливаясь из укрепленной на треноге камеры в съездившегося за столом старика, – Люмьер отдыхает.

«Ай да Олежка, – подумал Руслан, – не только братья Люмьер – Станиславский с Товстоноговым плакали бы от умиления, наблюдая твою игру. Давай, родимый, давай в том же духе!»

– Сергей Викторович, – обратилась к Руслану Таня, – мы готовы. Можно начинать?

– Начинайте, – разрешил Руслан и вышел в коридор.

Было тихо и безлюдно, лишь в одном из дальних кабинетов чуть слышно стрекотала старомодная печатная машинка. Руслан не торопясь прошел взад-вперед по длинному коридору. Небогато живут наши собиратели марок, подумал он, хотя чему удивляться: организация на общественных началах, с номинальными функциями и символическим бюджетом. Может быть, изредка помогает какой-нибудь зарубежный фонд. А ведь миллионеров объединяет, если вдуматься. Уж несколько десятков обладателей уникальных марок в Питере наберется.

Может, это для нас и к лучшему? До банкиров и олигархов всяких еще дотянуться надо, охрану миновать да сигнализации всякие. А здесь все как на ладони... Права была умница Скарлетт: в карман к беднякам залезать куда проще и безопасней.

Когда он вернулся в кабинет, Таня уже успела изрядно «разогреть» говорливого старика.

– ...необходимо решать кардинально, – горячился Аверьянов, – я бы даже сказал, что нужна настоящая революция в законах, затрагивающих филателию. Да-да, я ничуть не преувеличиваю. Посудите сами: где у нас можно купить или продать старые марки? Практически нигде. Торговать можно только новыми, а старые, коим более пятидесяти лет, благодаря приказу Ельцина считаются уже антиквариатом. Антиквариат же ввозить в страну еще можно, а вывозить – увы! Во всем цивилизованном мире существует рынок антиквариата, проводятся аукционы, а у нас? Да и много ли коллекционеров будут покупать лицензию на торговлю антиквариатом ради одного-двух альбомов? Что получается? Нонсенс. Практически филателия в России есть, а юридически – нет. Реальную стоимость марки может определить только аукцион. Да-да, не эксперт-оценщик, а именно аукцион. Где у нас аукционы? Нет. В итоге имеем грандиозный и насквозь криминализированный черный рынок. А ведь стоит только организовать аукционы, и черному рынку конец.

Государство, имеющее с этого налоговый процент, только выиграет. Во всем мире марки относятся к разряду культурных ценностей, а у нас – к антиквариату. С первого взгляда разница незначительная, но с профессиональной точки зрения – фундаментальная. Ни в одной стране мира до подобной глупости не додумались. Международная организация дилерских ассоциаций «IFSDA» приняла в свои ряды и Российскую ассоциацию, готова помочь с проведением международных аукционов, а мы? Мы сидим на сокровищах, как собака на сене: ни себе, ни другим. А ведь было! Было! В 1923 году монополию на внешнюю торговлю марками взяло государство, и мы участвовали во всех международных аукционах. Почему бы сейчас не возродить эту систему? Уникальные коллекции покрываются пылью, а ведь о них надо писать в каталогах, справочниках, специализированных журналах! За каждой редкой маркой должна стоять своя история, она должна иметь соответствующие документы. Только так эти марки получают широкую известность и соответственно значительно большую цену...

– Геннадий Борисович, но почему среди коллекционеров наибольшее признание получили именно марки?

– Это не совсем так, – смутился старик, – как бы мне ни хотелось представить наше увлечение самым-самым-самым, но помимо нас есть множество весьма достойных увлечений коллекционированием. Положа руку на сердце я бы назвал самым известным среди собирателей – коллекционирование картин. Достаточно вспомнить замечательную и уже легендарную коллекцию Третьякова. Картинные галереи составляли еще Щукин, Морозов, Семенов-Тянь-Шанский и даже Нельсон Рокфеллер. Выделяются и собиратели старинных монет. Нумизматами были и Петр Первый, и Людовик Четырнадцатый... В мире полно занимательных коллекций. Бывают и смешные нонсенсы.

Например, Ротшильд составил грандиозную коллекцию блох. Она насчитывала более шестидесяти тысяч экземпляров. А Генри Форд собирал бутылки из-под джина... Но филателия... Филателия – это чудо. Знаете, что сказал английский физик Резерфорд? «Все науки можно разделить на две главные: физику и коллекционирование марок». Марки собирали такие личности, как Альберт Эйнштейн, Энрико Карузо и Иван Павлов. А уж их чудиками никак не назовешь.

– Почему ваш клуб носит такое странное название?

– Почему странное? – даже обиделся старик. – Марка «Голубой Маврикий» стала в кругу филателистов настоящей легендой. Кстати, на аукционе в Швейцарии марки с острова Маврикий не так давно были проданы более чем за миллион долларов. Думаете, у нас нет марок подобного достоинства? Есть и куда более дорогостоящие. Но они пока плесневеют в частных

коллекциях, соответственно и цена им та, которая указана на лицевой стороне: «три коп.» или «пять коп.» От силы «20 коп.».

– Например, тифлисская марка? – Таня явно подталкивала старика в нужном направлении.

– Да, – охотно согласился он, – не менее, а может быть, даже и более ценные, нежели маврикийские. На этих марках нет еще даже перфорации. Они выпущены за несколько месяцев до введения в обиход общегосударственных почтовых марок. До 1857 года.

– Перфорация, – уточнила Таня, – это зубчатый край? Я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – улыбнулся старик, – по легенде, перфорация впервые появилась в Одессе, когда какому-то клерку надоело кропотливо нарезать марочный лист и он попросту прострочил его на швейной машинке. Забавная и достаточно достоверная легенда...

– В каком музее или хранилище наши телезрители могли бы увидеть эту легендарную марку?

– К великому сожалению, в России этих марок нет, – ответил старик.

Руслан и Таня, не удержавшись, переглянулись.

– Увы, увy и еще раз увy! – повторил старик, заметив их удивление. – Одной из основоположниц российской филателии, редчайшей марки нашей страны и одной из самых знаменитых марок мира нет даже в государственной коллекции. Мне известно всего о трех экземплярах этой марки, но даже мне неизвестно имя их владельца. Знаю только, что приобрела их какая-то Британская финансовая корпорация. Тифлиссские марки имеют и другое название: «Марки Фаберже». Сына того самого Карла Фаберже, ювелира царского двора. Агафон Фаберже по праву считался обладателем одной из самых лучших коллекций марок в России. После революции он успел переправить за границу вещи, в том числе и часть коллекции марок. Этим маркам довелось вернуться в Россию лишь раз, когда их привозили на Московскую Всемирную выставку...

– И вы уверены, что в России этих марок больше нет?

– Это была бы сенсация, но... увy! Нет.

– Но как же...

– Извините, Геннадий Борисович, – быстро перебил Таню Руслан, – не могли бы вы рассказать пару забавных или загадочных историй, связанных с марками? Нашим телезрителям это будет интересно.

– Что-нибудь забавное или загадочное? – задумался старик. – Хм-м... Почему бы и нет? За историю филателии таких случаев произошло предостаточно... Вот, к примеру, вы смотрели фильм «Красная палатка» – о попытке Умберто Нобиле пересечь Северный полюс на дирижабле «Италия»? В ознаменование этого события в Риме была выпущена почтовая открытка, на которой были изображены шестнадцать участников проекта. Фотографии располагались в два ряда: восемь в верхнем и восемь в нижнем. Злополучная открытка то ли предугадала, то ли разделила судьбы участников проекта просто мистически точно: изображенные в верхнем ряду восемь человек погибли, изображенные в нижнем – выжили.

– Невероятно! – воскликнула Таня.

– Однако это – факт, – заверил Аверьянов. – А слышали вы историю советского воздухоплавателя Сигизмунда Леваневского?

– Того, который пропал без вести в Арктике?

– Его самого. За два года до его исчезновения наркомат связи выпустил серию из семи марок под названием: «Герои СССР». Шесть марок с портретами летчиков были обрамлены лавровыми ветвями, что, как известно, символизирует триумф и славу, а марка с изображением Леваневского украшалась ветвью миртовой, означающей скорбь и траур. Впоследствии по этому поводу даже проводили дознание, но сия история так и остается загадкой по сей день.

– Ужас какой, – вполне искренне заметила Таня. – Мрачноватые тайны скрывают ваши марки.

– Известно множество случаев, когда марки помогали своим владельцам, – утешил ее старик. – Владелец одного замка на юге Франции потерпел финансовое фиаско и уже готовился было продать родовое гнездо, которое был не в состоянии содержать. Уже практически пакуя вещи, он наткнулся в письменном столе на кожаный сверток, содержащий письменные принадлежности его деда. Так, мелочь разная: перья, сургуч, печати... Но среди прочих предметов содержался целый блок уникальных марок, продав которые владелец замка не только поправил свои дела, но и заново отремонтировал родовое имение.

– Благодарю вас, Геннадий Борисович, – вмешался в разговор Руслан, – это было увлекательное интервью... Саша, собирай аппаратуру... Когда передача будет готова, мы позвоним вам и назовем дату показа. Кстати, Геннадий Борисович, не порекомендуете ли вы пару-другую коллекционеров, которых мы могли бы расспросить о филателии? Было бы неплохо, если бы эти люди могли показать нам свои коллекции.

– Видите ли, – замялся Аверьянов, – сейчас в стране такая ситуация, что большинство коллекционеров стараются не афишировать свои собрания. Все они ведь так или иначе связаны с черным рынком, да и криминальная обстановка... наверное, вам лучше поговорить с работниками музея связи, с директорами других филателистских клубов.

– Это мы сделаем непременно, – заверил Руслан, – но передача будет неполной, если обладатели частных коллекций останутся за кадром. Не беспокойтесь, некоторых из частных коллекционеров мы знаем и так. В большинстве своем это вполне обеспеченные люди, обладающие собственной охраной, так что беспокоиться им не приходится. Например, Савченко, Кравцов, Кузьмичев...

(Первые две фамилии Руслан выдумал тут же, и это сработало.)

– Кузьмичева я знаю, – расслабился старик, – с двумя другими, к сожалению, не знаком. Но если вам о них известно, зачем же...

– Мы были бы весьма вам признательны, если бы вы взяли на себя труд организовать нашу встречу, – сказал Руслан, – пригласили бы Владимира Александровича сюда... Одно дело – позвонить в клуб и попросить представителей дать интервью, и совсем другое – заявиться к частному лицу: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Уж не посетуйте на нашу настырность, но как иначе бедным репортерам собрать материал? Только познакомиться с одним, попросить свести с другим, представить третьему... Как пчелка собирает пыльцу, так и журналист: чуть с одного, чуть с другого – и улей полон. Я им в любом случае позвоню, но с вашей помощью будет несколько корректней. А я вам за это обязуюсь с сегодняшнего дня отдавать все марки с приходящих в редакцию писем... Помогите, а?

– Ну, если марки, – улыбнулся Аверьянов его шутке, – тогда подкупили бедного старика... С Владимиром Александровичем вам будет и впрямь интересно пообщаться. Прелюбопытнейший человек. Со странностями, конечно, как и всякий фанатик филателии, но зато личность колоритнейшая... Попроюсь вашу встречу организовать, но за результат не ручаюсь. Подождите минутку, где-то у меня был записан его телефон...

– Стало быть, Кузьмичев про марку эту тифлисскую никому не говорил, – вслух размышлял Руслан, когда они возвращались из клуба филателистов, – для нас это неплохо. Я бы даже сказал: хорошо.

– Почему? – спросила Таня.

– Это значит, что приобрел он ее способом, далеким от легального. А значит, и шума после ее экспроприации не будет.

– Он может заявить о самом факте грабежа. Дать приметы, время и все такое... А марку назвать другую.

– Мы не будем брать другие марки, – решил Руслан, – доказательством для ментов будет служить только эта марка, а ее-то он и не назовет.

– Почему ты выбрал столь сложный способ добраться до Кузьмичева? Обычный грабеж куда проще... И свидетелей меньше.

– Мне не надо проще. Мне надо наверняка. Он может хранить марку где угодно. В банковском сейфе. В тайнике на даче. Да и в собственном доме такую крохотулю спрятать – не великий труд. Нужна глубокая разведка. Необходимо знать планировку комнат в его квартире, наличие дачи, тип сигнализации, наличие сейфа и круг знакомств. В крайнем случае придется применять грубую силу.

– Полагаю, в этом не возникнет необходимости, – сказала Таня, – если он настоящий коллекционер, то не станет удалять такое сокровище от себя. Он будет держать ее рядом с собой. А судя по тому, что о нем говорят, он настоящий фанатик марок...

– Тем лучше для нас, – сказал Руслан. – И для него...

С Кузьмичевым Руслану пришлось помучиться. Уж сколько «лохов» довелось ему развести на своем веку, но такого нудного еще не встречал.

Позвонил Кузьмичев сам вечером следующего дня (Руслан порадовался, что не зря снял квартиру – не подвело чутье) и долго выпрашивал, что это за телевидение такое, о котором он и слухом не слыхивал. Пришлось потрудиться, объясняя, что «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Недоверчивый коллекционер даже предложил взять у него интервью по телефону. Пришлось напомнить, что они репортеры телевизионного канала, а не радиовещательного. И все же сумел уговорить. Только на тщеславии и поймал. Однако в квартиру, вопреки всем уговорам и посулам, коллекционер их так и не пригласил.

– Придется рисковать, – поделился Руслан своими планами с Таней, – он назначил нам встречу на завтра, в три часа. Брать будем на лестничной площадке, на выходе.

– Не легче ли брать его на обратном пути? Закончив интервью, проводить до дома и войти в квартиру «на плечах»? Ждать на лестнице опасно – можно засветиться перед случайными прохожими. К тому же он может с утра заниматься своими делами и на встречу поехать из другого места...

– Вот я и говорю: придется рисковать. Меня очень беспокоит сигнализация. Выходя, он позвонит в охрану и попросит поставить квартиру на сигнализацию. Если мы тут же войдем и закроем дверь, то у нас будет куча времени – сигнал сработает только на выходе, и некоторая фора во времени для отхода нам обеспечена. В противном случае нам придется «убеждать» его позвонить во вневедомственную охрану, а здесь риска куда больше. Что, если он окажется чересчур упрям? Для убеждения у нас не будет времени. Не валить же его, в самом-то деле?! Что до жильцов... День – будний, дом – пятиэтажный, не должно их быть много. Понадеемся на удачу. Не все идет так, как хотелось, но что делать? Смелость, как говорится, города берет... За час до встречи позвоним по телефону и скажем, что из редакции за ним прислали машину. Повезет – сам откроет. Нет – будем ждать... Как я надеялся на то, что он нас все же пригласит! Что еще надо: рекомендации есть, «легенда» хорошая... Но нет худа без добра. Все это означает, что марку он дома хранит. Да и вообще «клиент» со странностями.

– В каком смысле?

– Ванька Яковлев за ним второй день ходит, информацию собирает. Чудной клиент. По всей информации – богатый, а живет на уровне сантехника. Машина самая простенькая, квартира хоть и пятикомнатная, а мебель в ней – дешевка. Одевается как бомжара, на всем экономит. Проверили информацию о любовнице... Есть, но какая?! Пэтэушница, которую он не только в рестораны, а и в кино-то раз в полгода водит. Уникальный жлоб, одним словом. Правда, на сигнализацию не поскупился. Какой отсюда вывод?

– Истинный коллекционер, – уверенно заявила Таня.

– Вот именно. Экономит на всем, вкладывает деньги в марки. Ребят я уже предупредил, к завтраму готовы будут... Поехали в наш бывший двор? – неожиданно предложил он. – Сколько лет там не был...

– У меня дела.

– Дела подождут. Поехали, а?

– У меня правда дела, Руслан. Съезди один.

– Можно и одному, только... Ну что тебе полчаса? Так хотелось детство вспомнить, а одному... Не то. Нет, правда, Танюша! Ну что тебе стоит? Я тебя прошу: полчаса, не больше.

Она внимательно посмотрела на него. Чуть улыбнулась, кивнула:

– Поехали. Но только полчаса – не более.

Он схватил полотенце и наспех вытер в квартире все предметы, на которых могли остаться их отпечатки. Возвращаться сюда он больше не рассчитывал...

– Как время летит, – вздохнул Руслан, проводя рукой по стволу каштана. – Когда я был маленький, то слышал, как это сказал матери отец, глядя на меня. Тогда я не понял его и почему-то обиделся. Для меня время как таковое не существовало. Был день и была ночь. Было лето и бабушкина дача, была зима и нудная школа. Был Новый год, были арбузы осенью, были игры в «войнушку» и прятки... Иногда было плохо, чаще – хорошо, но времени не было... Знаешь, когда я впервые почувствовал ход времени? Через год после того, как уехал отсюда. Семнадцатого августа проснулся там, у себя, в Головце, и понял – прошел год. И время пошло по-другому. Не годы старят, а опыт. События.

– Только вот события у всех разные, – прищурилась она, – одни эти события устраивают, другие – переносят.

– Ты о моем бизнесе? Так это – Россия, подруга моя. И время, в которое мы живем. Веришь, не хочу, чтобы мои дети учились в ПТУ и наркоманили по подвалам. Думаешь, в Америке капиталы как-то иначе составлялись? Зато дети всяких там Ротшильдов и Фордов теперь такими гуманистами-человеколюбцами стали – любо-дорого посмотреть.

– Не боишься, что дети папаши своего стыдиться станут?

– Не боюсь. Будут умными – поймут, а дураками станут... Пусть отказываются от отцовских «грязных» денег и работают сторожами у детей умных.

– Вот вроде бы все правильно говоришь, а... Ты хотел бы жить в мире, где все люди – воры?

– Я в нем живу.

– Неправда.

– Правда, – поморщился Руслан, – это как раз – правда. Мы живем в реальном мире, отсюда и танцуем. Если вдуматься, то ведь и ты не математику в школе преподаешь, а девочками торгуешь. Оптом и в розницу. Хочешь, поговорим о морали? О втягивании девиц в порнобизнес? О рекламировании «красивой жизни» проституток? О том, что самой престижной работой для девочек стала работа шлюхой, а для парней – бандитом или охранником? А потом переведем разговор на личности и «вдруг» обнаружим, что платье на тебе из дорогого бутика, а не с дешевого рынка, да и босоножки на китайский ширпотреб из секонд-хенда не похожи... Давай замнем этот разговор. Я детство вспомнить хотел, а ты меня носом в реалии тычешь. Думаешь, я в восторге от своей жизни? Да, мечтал о другом, но что сложилось, то сложилось, и я не мучаюсь угрызениями совести. Могло быть хуже.

– Могло, – согласилась она, – но тот мальчишка, который дрался из-за меня и воровал для меня конфеты, был мне больше по душе.

– Поверь, – сказал Руслан, – то, что я делал позже, было тоже ради тебя. Только в других масштабах. И драки, и воровство.

– Это меня и терзает. Иногда боюсь: не из-за меня ли ты стал таким. Я ведь часто о тебе вспоминала. Тогда ведь я девчонкой несмышленной была, но чувствовала, что с тобой

интересно. Сейчас я понимаю еще и то, что ты был красив. Очень красив. Наверное, девчонки в городишке твоём с ума по тебе сходили?

– Было дело, – рассмеялся он.

– Я даже плакала, когда ты уехал... Знаешь, как я с твоим дядей познакомилась?

– Нет, – заинтересовался Руслан, – расскажи.

– Родители твои никому не говорили, куда ты уехал. Я переживала страшно. Еще бы: моя первая любовь... Теперь-то я могу в этом признаться – что было, то прошло, а тогда бы под пытками не созналась. И вот однажды, когда я в очередной раз прибежала умолять их дать мне твой адрес, застала у них в гостях Севера. Он внимательно выслушал меня, взял за плечи, повернул к себе и негромко, но как-то очень убедительно (у меня даже слезы высохли) пообещал: «Когда тебе исполнится семнадцать лет, позвони вот по этому телефону, и я дам тебе его адрес». Хочешь – верь, хочешь – не верь, но на следующий день после семнадцатилетия я ему позвонила...

– А что же ты не приехала или хотя бы не написала? – тихо спросил Руслан.

– Наверное, к тому времени я уже выросла из детских иллюзий. Девочки взрослеют раньше ребят. Да ведь и ты не писал мне, хотя адрес я не меняла.

– Но к дяде все же позвонила, – понимающе улыбнулся он, – и старик свой шанс не упустил... Ай, молодец!

– Прекрати! – сверкнула она глазами. – Если у тебя на самолюбии совсем крыша поехала, то могу утешить: не он меня добивался, а я за ним бегала.

– А он, разумеется, сопротивлялся как мог...

– Дурак ты, Руслан, – вздохнула она, – даже если бы он хотел... по-другому... Все равно не могло сложиться. Судьба у него такая...

– Да, законнику семью заводить нельзя, детей иметь нельзя, даже дом постоянный иметь не рекомендуется, – недобро прищурился Руслан, – однако временную квартиру иметь допускается, и – как я заметил – весьма неплохую. Жену не рекомендуется?! А кто сказал, что нельзя завести молодую и красивую любовницу?

– Прекрати, – холодно предупредила она, – поссоримся.

– Таня, – тихо спросил Руслан, – я тебе совсем-совсем не нравлюсь? Такой, какой есть?

Она долго смотрела на него огромными, невыразимо красивыми глазами, словно борясь с чем-то внутри себя, потом вздохнула:

– Не могу, Руслан. Прости... Столько лет прошло. Все изменилось безвозвратно. Не дети мы уже – пойми. Не все так просто. У меня за плечами своя жизнь, своя дорога, у тебя – своя. Не пересечься им.

– Уже пересеклись. Во второй раз.

– К добру ли? – С печальной улыбкой она взъерошила Руслану волосы. – Поверь: нельзя нам вместе. Не получится ничего. Не терзай себя зря. Только испортишь все.

– Что – «все»?

– Все, – повторила она, – и свою жизнь, и мою.

– Не испорчу, – упрямо сказал он, – я...

– Ты дал слово не начинать все сначала, – напомнила она.

Руслан промолчал, неопределенно покрутив в воздухе ладонью.

– Ладно, тогда о деле, – по своему обыкновению резко сломала ход беседы Таня, – у меня к тебе просьба.

– Чем смогу...

– Дело пустячное, но... Как ты уже знаешь, в делах Севера я курирую «сферу отдыха». Гнусная работа, но крайне прибыльная. По доходам разве что с наркоторговлей сравнить можно. Но и нас коснулись неприятности в империи Севера. За последние несколько месяцев накрыли большинство моих саун. Есть у нас и съемные квартиры, но клиенты идут на такие

«удобства» неохотно – либо вызывают девочек к себе на дом, либо предпочитают расслабляться в саунах. А саун-то как раз ограниченное количество. И «горят» они у меня по-черному. Если кто-то и взялся разорить «делянку» Севера, то делает он это по-умному. В самое яблочко бьет. Хорошо еще, что «полиция нравов», которая мой бизнес ковыряет, всего шесть человек насчитывает: не поспеть им за всем. Девочек-то несколько десятков тысяч – куда тут угнаться? Но все равно малоприятно... Я к чему веду? Можно я сауну, в которой твои парни поселились, буду использовать по прямому назначению?

– А парней я куда дену? – удивился Руслан. – Или ты их тоже планируешь к бизнесу подключить?

– Да, мальчики по вызову, – усмехнулась она, – я уже все продумала. Территория там большая, комнат и подсобных помещений много. Не могли бы они хотя бы в дневное время в соседних подсобках обитать? Я знаю – это неудобно, но... У меня всего три сауны осталось, считая вашу. В убыток работать начинаем. А именно сейчас обороты снижать никак нельзя: Северу нужны деньги. Сам видишь: настоящая война идет.

– Да не вопрос, – пожал плечами Руслан, – я переговорю с ребятами – решим проблему. На худой конец можем для них еще одну квартиру снять. Не впервой.

– Не хотелось бы лишний раз тревожить Севера по пустякам, – сказала она, – у него своих забот по горло, а тут еще я со своими мелочами. Решит, что самостоятельно уже и шагу ступить не могу... Не стоит ему о моей просьбе говорить – хорошо?

– Считай, что договорились, – кивнул Руслан, – можете открывать свой бордель, мадам! – И лукаво подмигнул: – Для моих орлов там что-нибудь дельное сыщется?

– За деньги – весь спектр услуг, – с делано серьезным видом заверила она. – Но если начнете беспредельничать – у нас есть надежная «крыша».

– Боюсь, боюсь! – испуганно вскинул руки Руслан. – Да что мы все о делах да о делах. Разве за этим мы сюда пришли? Давай предаваться печали и ностальгии. Помнишь, какая у меня здесь была шикарная квартира?

– Обычная.

– Это для тебя – обычная. А для меня – место, где прошли лучшие годы моей жизни. Прекрасная была квартира! И даже клопы в ней пахли коньяком...

Тайник был сделан искусно. Перед небольшой комнаткой, видимо, служившей ранее чуланом или подсобкой, была установлена зеркальная стойка бара, часть которого при необходимости открывалась при помощи потайной кнопки. Вряд ли кому-нибудь могло прийти в голову попытаться сдвинуть заставленные бутылками полки или простучать зеркальные панели.

Вытащив из тайника сумки с оружием, Руслан раздал его команде, еще раз предупредив:

– Использовать только для обороны. Никаких «жмуриков» из случайных свидетелей или «терпил». В ментов палить, только если они начнут беспредельничать, да и то желательно поверх голов. Но и здесь – первого выстрела за нами быть не должно. В крайнем случае, если что-то пойдет наперекосяк – сдавайтесь, выкупим. А вот если подстрелите кого-нибудь, тогда точно отмазать не удастся.

– Зачем же тогда стволы? – обиженно посмотрел на него Патокин.

– Считайте их чем-то вроде «профессиональных знаков отличия». Для испуга и для понта.

– Не по-пацански как-то...

– Зато по уму, – отрезал Руслан, – и обсуждению не подлежит. Это ясно?

– Ясно, – ответил нестройный хор голосов.

– Это радует, – сумрачно усмехнулся Руслан, – а теперь – по машинам.

На место они прибыли почти за час до назначенного Кузьмичевым срока. Через пару минут к ним присоединился оставленный наблюдать за домом Розанов.

– Все в порядке, – отрапортовал он, – клиент дома, и, насколько я понял, один. Утром разок выходил в магазин и с тех пор не высывался.

– Будет лучше, если о прибытии машины сообщишь ему ты, – попросил Руслан Таню, – как ни странно, но женщинам почему-то верят больше, а опасаются меньше. Губительное заблуждение.

– Остряк-самоучка, – фыркнула она. – Будем звонить?

– Нет. Будем работать экспромтом.

– Ты все время меняешь планы... Почему?

– Считай это интуицией... Розанов, ты остаешься на прикрытии, – приказал он, – держи машины прогретыми и смотри по сторонам. Вперед, ребята, не ударим мордой в грязь перед столичными фраерами...

Войдя в подъезд, он осмотрелся и подал знак надеть всем вязаные шапочки с прорезями для глаз. Стараясь не шуметь, они поднялись на второй этаж и остановились перед массивной, словно из банковского сейфа, дверью.

– Ну, с богом, – кивнул Руслан Тане, нажимая кнопку звонка.

– Кто там? – любопытствовал гнусавый голос спустя минуту томительного ожидания. – Отойдите на шаг назад, я должен вас видеть...

– Кузьмичев Владимир Александрович здесь проживает? – спросила Таня. – Из редакции прислали за вами машину.

– Из редакции? – удивились за дверью, и, к несказанному облегчению застывших налетчиков, щелкнули замком, дверь приоткрылась. – А почему...

Договорить он не успел: Нечаев с силой рванул дверь на себя, одновременно коротким ударом в челюсть сбивая с ног стоящего за ней человека.

Налетчики молниеносно влетели в квартиру, подхватив за руки находящегося в полубморочном состоянии коллекционера, и уволокли его в дальнюю комнату. Руслан постоял у порога еще пару минут, прислушиваясь к тому, что происходило на лестничной площадке, и, удовлетворенно кивнув, последовал за ними.

Квартира вызвала некоторое недоумение. Да что там, она просто поражала царящей здесь нищетой. Старые, давно выцветшие обои, засиженные мухами дешевые люстры и зеркала, несколько продавленных стульев и диванов, купленная явно с рук бытовая техника – Руслан недоуменно посмотрел на своих ребят. Те озирались по сторонам с не менее озабоченным видом.

– Мы вообще туда попали? – выразил общее опасение Нечаев.

– Туда, – заверил его Кротов, успевший добраться до документов в ящике стола, – по паспорту – он самый. К тому же обратите внимание на сигнализацию и сейф в стене. Эти штучки не из дешевых. Мы имеем дело с современным Гарпагоном, господа.

– Что ж, тогда приступим, – решил Руслан и, расположившись в скрипящем пружинами кресле, обратился к приходящему в сознание хозяину квартиры:

– Полагаю, представляться смысла нет? Да, это налет. Самый что ни на есть банальный и насквозь меркантильный. У вас есть два выхода: отдать нам то, что нас интересует, и навсегда избавиться от нашего присутствия, забыв эти минуты как дурной сон, или же... Впрочем, во втором случае мы все равно придем к искомому результату, только потраченное на него время будет наполнено совершенно ненужной для вас болью и унижениями.

– Что вам нужно?

– Марку. Маленький, никчемный кусок бумаги ценой всего-то в шесть копеек. Из Тифлиса.

– Я не понимаю, о чем вы...

Руслан кивнул Нечаеву, и тот, приподняв филателиста за шкуру, коротко и сильно ударил его под дых.

– Глупо, – заметил Руслан, выжидая, пока побелевший хозяин квартиры хрипя попытался втянуть в себя воздух, – времени у нас достаточно, бить будем долго и вдумчиво... А потом перейдем к процедурам куда более изощренным...

– Вы хоть имеете представление, о чем говорите?! – клопочущим голосом простонал Кузьмичев. – Если б у меня была эта марка... Вас обманули! В мире их всего...

– Займись им всерьез, – разрешил Нечаеву Руслан и со вздохом поднялся, – мы имеем дело с фанатиком. Это плохо. Фанатизм – первый признак узости взглядов. Я тут осмотрюсь, а ты пока расширяй ему кругозор.

Ключи от сейфа найти было несложно, шифр Кузьмичев назвал быстро, и это убедило Руслана, что заказанного экспоната там не было. Пока Патокин и Яковлев просматривали толстые, разбухшие от марок альбомы, он мягкими шагами мерил квартиру, разглядывал скудную обстановку.

– Понятия не имею, как должны храниться марки, но, вспоминая те скудные сведения, которые я почерпнул из книг о старинных ценностях, они должны находиться в местах сухих, теплых и желательно темных, – вслух подвел он итог своим размышлениям, останавливаясь перед висевшими на стене часами, – хорошие часы, только почему-то не ходят. Ребята, разберите-ка их – посмотрите, в чем причина?

Забавно пискнув, бедняга филателист попытался было броситься к своему сокровищу, но был вовремя перехвачен Нечаевым и отброшен на диван жестоким ударом под ребра.

– Здесь, – довольно улыбнулся Патокин, извлекая из недр часовой коробки бумажный пакет с тщательно упакованной в него маркой.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – довольно констатировал Руслан и посмотрел на часы, – двадцать минут – и конец мучениям. Неужели это вас не радует, Владимир Александрович? Ну признайтесь, что полегчало на душе? Живы, здоровы, а марка... Не было у вас ее раньше – жили же как-то? Не переживайте, право слово, не стоит она того.

– Сволочи! – По лицу хозяина квартиры потекли крупные слезы. – Ненавижу! Гады... гады...

– Упакуйте его поплотнее, – приказал Руслан Нечаеву. – Владимир Александрович, у вас нос не заложен? Вот и славненько, не хотелось бы, чтоб вы задохнулись. Живите себе на здоровье, собирайте ваши марки и относитесь к жизни философски. Пришло, ушло... Подумаешь... Главное, что вы живы и здоровы, что нас искренне радует – поверьте. Дверь мы оставим открытой, только прикроем слегка, так что вас должны скоро обнаружить. Ну а нам пора уезжать. Всего наилучшего.

На лестничной площадке они сняли маски и поодиночке вышли на улицу. Проходя мимо машины, в которой уже сидели его ребята, Руслан на секунду остановился, коротко приказав:

– Возвращайтесь в сауну и до моего прибытия сидите тихо, как мыши. Я к Северу – скинуть товар.

В машине, облегченно откинувшись на сиденье, вздохнул и признался устроившейся сзади Тане:

– Сам не ожидал. Двадцать минут – и все! Есть еще фарт у нас, есть! Ну что ты притихла?

– А что я должна делать? – хмуро отозвалась она. – От радости прыгать? Очень красиво с твоей стороны втягивать меня в сцены с мордобоем пожилого человека... На душе противно.

– Ну извини, – усмехнулся Руслан, – в следующий раз буду целовать их взапас, пока товар не отдадут... Да ладно тебе, Танюша! Махни рукой и забудь. Первое дело – и сразу удача! Есть чем Севера порадовать, а?

– Порадовали старика, – согласился Север, пряча марку в письменный стол. – Молодцы! Сегодня же встречусь с клиентом, передам товар. Вам даю день на разгул и оттяжку. Только

постарайтесь оттягиваться... по крайней мере в пределах разумного. Без всяких там... Ну, ты понимаешь. Это вам на расходы.

Он бросил на стол заранее приготовленный конверт с деньгами, пояснив:

– Помимо доли. Так сказать – премия за чистую и быструю работу. Гуляйте, а завтра, после обеда, заходите – дам новое задание.

– Сделаем, – заверил Руслан, – и зайдем, и оттянемся... Особенно оттянемся. Это мы умеем делать, как никто другой. – Он снял с пояса запиликавший «сотовый» и поднес к уху: – Слушаю... Что? Когда?! Как?! Сидите там и ждите меня. Сейчас буду.

Отключив телефон, угрюмо посмотрел на Севера:

– Как сглазили. У нас проблемы. У парней была стычка в сауне. Есть «жмурики». С той стороны. Ребятам удалось уйти чисто. Больше ничего не знаю – по телефону много не скажешь.

– Это уже не невезение, это проклятье какое-то, – в сердцах саданул кулаком по столу Север, – дуй к ним, все узнай и сразу возвращайся.

... – После дела ребята вернулись в сауну, чтобы положить стволы и переждать, – докладывал Северу Руслан час спустя, – доехали нормально. Открыли дверь своими ключами, вошли... А там двое барыг местных шлюшек пользуют. Мои культурненько извинились, сказали, что заберут свои шмотки и уйдут, а один из этих лохов увидел стволы и впал в раж. Какого черта ему надо было – не понять. То ли пьяный, то ли обкуренный... Начал хай поднимать, хватать за одежду. Получил по тыкве, схватился за стул, стал орать, что сейчас все окажутся в местах не столь отдаленных... В общем, схлопотал-таки перо, урод. Второго пришлось валить так же. Ребята на скорую руку отпечатки стерли, вещи схватили и через черный ход ушли. Там этих ходов-выходов как в сыре. Говорят, что ушли чисто – никто не видел. Девочек с собой захватили. У тех истерика началась – враз бы перед ментами поплыли. Сидят сейчас с моими пацанами, они их водкой накачивают, до выяснения... С чего, откуда, как-то непонятно. Дикая какая-то запутка... Пацаны в один голос твердят: иначе было нельзя. Сдали бы их барыги. Какой им в этом понт – не пойму...

– «Барыги», – недобро шурясь, протянул Север, – какие это барыги, лапотники вы неумытые? Менты это, а не барыги! В городе сейчас такой шухер стоит! Там третий отдел работал, «полиция нравов». Их парней вы и положили, идиоты деревенские!

– Как же это, – растерялся побледневший Руслан. – Менты?!

– «Менты»! – передразнил его взбешенный Север. – Ваше счастье, что времена сейчас мутные, как ваши мозги. Десять лет назад весь город бы уже перевернули, но вас, поганцев, нашли. Тогда за убийство мента... Да что там объяснять?! Кто разрешил использовать сауну как притон?

– Я, – твердо сказал Руслан, – не хотел, чтобы из-за меня бизнес страдал. Мы же там не все время, почему бы и...

– Ты хоть сам понимаешь, что плетешь? – сквозь зубы прошипел Север. – Какой, к черту, бизнес?! Вы – мой бизнес! Те темы, что я вам даю, и сотню шлюх перекроют. Тысячу! Да что ж это такое? Вы что там, в деревне своей, вконец от самогона крышей поехали?

Руслан понуро молчал, выжидая, пока кончится запал Севера.

– Это надо же было такой косяк сотворить? – продолжал бушевать тот. – Кому расскажи – не поверят. Дал людям темы. Дал место для жилья, оружие, информацию, а они...

– Я его попросила, – тихо сказала стоящая рядом с Русланом Таня, – дела совсем плохо пошли, и я...

– Выгораживает она меня, – уверенно соврал Руслан, – это я, со своим деревенским менталитетом...

– Нет, Север, не верь, это я...

Север внимательно посмотрел на нее, на него, устало махнул рукой и опустил в кресло.

– Кого другого я бы за такие косяки живьем заглотил, – севшим голосом сказал он, – а вы... все расходы по устранению этой проблемы – на вас. Девочек требуется отправить куда-нибудь подальше и подольше. Это по твою душу, Таня. Отправишь девочек за кордон. Куда-нибудь, куда местные ищейки дотянуться не смогут. Лучше всего в Израиль или Арабские Эмираты. Пусть их там... Понадежней упакуют. Справишься?

– Да, – тихо ответила она.

– Оплату агентуры, которая будет освещать нам это дело, и взятки следакам, чтоб «тормозили», я тоже вешаю на вас, – сообщил Север, – нам еще надо как-то банщицу отмазать, она пока молчит, но... лучше не рисковать. Не знаю, чем еще все это обернется. Идите с глаз моих. Думайте. Если что-нибудь прояснится – позову... – И тихо, горько добавил: – Как же вы мне напугали, ребята! Враги так не поганят...

9 июля 2003. С.-Петербург

– Привет энтомологам, – кисло поздоровался Алексеев, – проходи, садись.

Я устроился на шатком, скрипучем стуле, в углу кабинета, огляделся:

– Ты бы хоть в каком-нибудь общежитии пару стульев выпросил.

– Это раньше было возможно, лет десять назад, когда там все коммунальное было. Теперь все частное, и ржавого гвоздя не допросишься. Да и по барабану мне, если честно. Я в этом кабинете редко бываю.

Он выжидательно посмотрел на меня.

– Все о том же, – признался я, – не могу сидеть и ждать.

– Я час назад говорил тебе, что нового ничего нет, – устало сказал Алексеев, – группа создана, работает... Поверь: делают все, что могут.

– Да, я понимаю... Просто не могу ждать вот так... Душа не на месте. Понимаешь, словно из-за меня все это...

– Ну это ты брось! – рассердился капитан. – Я сам там был, видел, как и что. Этого никто не мог ни предположить, ни предвидеть. Девиц этих ищут и, поверь, – найдут.

– Знаешь, Саша... Не верю я в то, что это дело рук проституток...

– Брось! – пренебрежительно отмахнулся Алексеев. – Уж кому-кому, а тебе ли эту братию не знать?! Это домохозяйка, начитавшись дебильных «женских детективов», уверена, что проститутки – бедные, забытые существа. И ты, и я знаем, какие среди них отмороженные встречаются. У меня на памяти есть около дюжины дел, когда эти жрицы любви таких крутых бандюков кидали и разводили, что только диву даешься! А помнишь дело метрдотеля? Которого запытали до смерти две вызванные им мамзели. Мы ведь тоже сначала на рэкет грешили, а оказалось... Связали пьяного да разделали, как свиную тушу... Вспомни, с какой жестокостью друг другу рожи бритвами полосуют и кислотой плещут. Вспомни, какие дозы клофелина клиентам подсыпают, о последствиях не заботясь. О наводках в богатые хаты вспомни – какой там гуманизм и заботность? У них эмоции как ластиком стерты. К тому же две трети – наркоманки, а уж про эту братию и говорить не приходится.

– Все это я помню, Саша. Но... Сам не могу понять, почему не верю в то, что это наши «клиентки». Можешь называть это интуицией. К тому же деньги и вещи остались нетронутыми.

– Это можно объяснить шоком, – сказал Алексеев, – или теми же наркотиками.

– Что говорит банщица?

– Все то же. Дала клиентам журналы – по их же просьбе – с телефонами девочек по вызову, а уж кого они там выбирали – понятия не имеет.

– Врет, – убежденно заявил я. – Саша, ты же знаешь, что врет! Строганов и Митрохин были опытными внештатниками. Они знали, что нам нужны те девочки, которых пригласит

сама банщица. Те, которые «кормятся» именно с этой сауны, которые отчисляют часть своих денег банщице и «крыше». Нужно ее ломать.

– Ломаем, – пожал плечами Алексеев, – но ты же знаешь, как плохо работать с женщинами. А эта тварь еще и сидела.

– За что?

– Кажется, соучастие в краже. Три года, но для «образования» хватило. Ее сейчас посадили в КПЗ, окружили агентурой... Ждем.

– Время идет. Скоро отпускать придется...

– А что ты предложишь?! – взъярился Алексеев. – Привести сюда и по печени надавать?! Уж прости великодушно, но лично я не могу. Был бы мужик, да и то...

– Да-да, я понимаю... Но все равно не могу вот так сидеть и ждать... Подкинь хоть что-нибудь, Саша, а? Хоть какую-нибудь зацепку? Ну, я тебя прошу. Они ж друзьями моими были...

Алексеев устало потер лицо ладонями и вдруг, досадливо крикнув, решительно поднялся.

– Пойдем, – сказал он, глядя мимо меня, – не знаю, даст ли тебе это что-нибудь, но так и быть, по старой памяти...

Табличка на двери гласила: «Начальник уголовного розыска Винников А.И.».

– Разрешите? – спросил Алексеев и, не дожидаясь ответа, вошел.

За огромным столом сидел полнеющий мужчина в форме полковника. Заинтересовала меня забавная деталь: на столе, под лампой с зеленым абажуром, стояла пепельница, изображающая обезьянку, в глубокой задумчивости подперевшую голову рукой. В точно такой же позе застыл увлеченный бумагами полковник.

«Интересно, кому из его подчиненных пришла в голову идея подарить ему это изваяние, – подумал я, – не иначе как на заказ делали».

Полковник взглянул на нас из-под руки, и я понял: никто ему пепельницу не дарил – сам купил. Глаза у полковника были умные, цепкие, глаза человека, который любит, когда над ним смеются, и терпеть не может, когда издеваются или хихикают.

– Это майор Мартынов, – представил меня Алексеев, – он проводил операцию... ту самую операцию.

– Александр Иванович, – представился полковник, – садитесь, майор. Чем могу?

– Я должен... участвовать, – с трудом подобрал я слова, – все было у меня на глазах... Мои друзья... Я не могу сидеть в стороне.

– Участвуйте, – благосклонно кивнул полковник, – Алексеев введет вас в курс дела. Нам лишние люди не помешают.

– Вы понимаете, о чем я, – неожиданно для самого себя зло выпалил я, – не надо делать из меня идиота... Я сам с этой ролью неплохо справился.

С нескрываемым интересом полковник осмотрел меня с головы до пят.

– И какой же помощи вы от меня ждете?

– Не знаю, – признался я, – информации... той, которая не отражена в деле... Может быть, догадки, которые нельзя проверить... по каким-либо причинам...

– А что может помешать проверить догадки милиции? – удивился полковник. – Я бы даже сказал: «самой милицейской милиции в мире»? Кстати, вы-то сами, тоже милиционер, не так ли? Странная ситуация получается, не находите? Пришел милиционер к милиционеру просить «немилицейские догадки»?

– Александр Иванович, – попросил за меня Алексеев, – я Мартынова давно знаю. Хороший парень... Помогите, а?

– «Помогите», «помогите», – ворчливо передразнил его полковник, – мне бы кто помог. Старый, больной...

– Женщины не любят, – услужливо подсказал Алексеев.

– Женщины любят! – сверкнул на него глазами Винников. – Ибо настоящий полковник... Есть у нас в городе такой РУОП. А в РУОПе есть полковник Косталевский.

– И... – не выдержал я затянувшейся паузы.

– И – все, – отрезал полковник, – дальше сам думай. Ты просил наводку, я тебе ее дал. Сумеешь этого полковника раскрутить – твое счастье, нет – извиняй. Очень он сильно ходом нашего расследования интересуется. Что-то у него есть в заглавнике по данному вопросу, но просто так не отдаст... Видишь вот это? – ткнул он большим пальцем себе за плечо.

– Что? – непонимающе уставился я на голую стену.

– Гигантский опыт за плечами, – внушительно пояснил полковник, – и вот этот самый опыт говорит мне, что ведет господин Косталевский какую-то разработку, с нашим делом связанную... На этом лимит добрых дел исчерпан. Свободны.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, – огромное вам спасибо.

– Хватило бы и маленького коньяка, – риторически заметил полковник, вновь застывая в позе «мудрого обезьяны» над бумагами.

На цыпочках мы вышли в коридор.

– Попробуй, – посоветовал мне Алексеев, – если Винников говорит, значит, оно того стоит. Мужик зело мудрый. Редкий случай в моей практике, когда начальник – голова. Обычно – задницы.

– У тебя телефоны РУОПа есть?

– Найдем, – распахнул передо мной дверь своего кабинета Алексеев.

Косталевский оказался высоким, грузным мужчиной лет под пятьдесят. Его лицо показалось мне неприятным: надменно-брезгливое, даже несколько хамоватое выражение намертво въелось в его черты. Да и на меня он смотрел как москвич на нижнесобачинца.

– Что надо?

– Я к вам с просьбой, – начал я, уже предвидя исход беседы, – как я уже говорил по телефону, моя фамилия Мартынов, и я возглавлял операцию на Васильевском...

– Провалили операцию на Васильевском, – поправил он.

«Терпи, – сказал я себе, – хочешь получить хоть какую-то информацию – терпи!»

– Там погибли мои друзья. Я узнал, что у вас может иметься информация по этому делу. Я буду крайне благодарен за любую...

– Прежде всего я хотел бы выяснить, от кого вы узнали обо мне, – жестко перебил он меня.

– Вы часто звонили в Василеостровское РУВД, – ушел я от ответа, – вот я и подумал...

– Неверно подумали. Просто дело было похоже на то, каким я занимался когда-то, вот я и проверял. Оказалось – пустышка.

– А могу я узнать, что это было за дело?

– Нет, – отрезал Косталевский, – я сказал, что они не соприкасаются, значит, нечего и ворошить былое. И вообще...

– Для меня это очень важно, Игорь Геннадьевич, – униженно попросил я, – я понимаю, что информация закрыта и с бухты-барахты ее никто выдавать не станет, но вы можете навести обо мне справки, проверить все...

– Вот что, любезнейший, – разозлился Косталевский, – я сегодня же созвонюсь с вашим начальником и настоятельно порекомендую ему следить, чтобы его подчиненные занимались своим делом, а не болтались по городу, отвлекая людей от работы. Если вам делать нечего, то у меня пока еще забот хватает...

«Звони, звони, – мстительно подумал я, – это со мной ты весь такой героический и на коне, а с Григорьева где сядешь, там и слезешь».

– Я еще разберусь, откуда у вас появилась информация о нашем отделе, – пригрозил Косталевский, переводя взгляд с меня на третьего человека, находящегося в кабинете, которого я поначалу принял за сотрудника отдела, – не РУОП, а проходная какая-то... Все, разговор окончен. Все свободны.

Мне ничего не оставалось, как покинуть кабинет. Молчаливый свидетель нашего с Косталевским разговора последовал за мной. В коридоре мы остановились и вопросительно посмотрели друг на друга.

– Кажется, мы невольно здорово друг другу подкузьмили, – обаятельно улыбнулся мне незнакомец. – Позвольте представиться: капитан Заозерный, Виктор Петрович. Головецкое УВД. Это в Тверской области.

По виду он был форменным служакой. Такие люди обычно просты и надежны, как молоток. Только уж больно здоровый «молоток», скорее целая кувалда. Килограммов за сто.

– Мартынов, Вадим, – представился я, – третий отдел. «Полиция нравов».

– Я оказался невольным свидетелем... А ведь я пришел по тому же делу... только минут на пятнадцать раньше. У вас, в Питере, все такие, как этот... барометр погоды?

– Наш город вообще славен кунсткамерой, – отозвался я, – стало быть, по одному делу? Нам надо поговорить – не находите?

– За тем и пришел. Но разве от этого... экспоната слова доброго добьешься? Есть здесь где-нибудь кафе? Я утром с поезда – в бегах, а язве мои дела по барабану, она своего требует.

Если капитан из Твери умел работать так, как умел есть, то мне выпала честь столкнуться с великим сыщиком, понял я, наблюдая за процессом поглощения пирожков и ватрушек.

– Давно пасу одного поганца, – рассказывал капитан с набитым ртом, – весь город под себя подобрал, шельмец. Не сам, конечно, с помощью воров, но проявив в этом деле недюжинный талант, паскуда. Я к нему и так, и этак – впустую. Дисциплина у него в бригаде строжайшая, барыги запуганы качественно, а сил у нас того, с гулькин нос. Все, что в городе гнилого происходит, – так или иначе с ним связано. Уже мысли об отставке возникать стали: на кой черт я там, такой красивый, нужен, если щенка самоуверенного за хвост поймать не могу?! Много он мне крови выпил... А тут как раз случай подвернулся. Был у него на днях день рождения, и произошла там какая-то странная история. Доподлинно мало что известно, только свидетели стрельбу слышали, а во дворе у бара следы крови нашли. Ни трупов, ни раненых – тьфу-тьфу – не было, но печенью чую – нечистое дело. И аккурат после этого засобирился мой паренек в славный город Петербург, захватив с собой пяток надежных людей. Спрашивается: зачем?

– Гастроль? – догадался я.

– Вот и я так кумекаю, – кивнул Заозерный, – а это для меня редкий шанс. Заметь: не послал кого-то, а сам поехал, дела на своих заместителей оставив. Значит, не простые люди позвали, и дело, видать, непростое светит. Особого участия и подхода требующее. Подумал я, подумал, махнул рукой и бросился следом. Уж больно лакомый для меня шанс выпал.

– Но каким образом эта история пересекается с моей проблемой?

– Вот тут подходим к самому интересному, – театрально поднял вверх заскорузлый палец капитан, – паренек этот, кровопийца мой, сам из местных будет, из питерских, стало быть. И оказывает ему покровительство родственничек, также здесь обитающий. Вор в законе – не фунт изюма. Кличка у этого вора Север. Говорят, большим авторитетом пользуется. Наши робин гуды доморощенные очень уж этим фактом гордятся, так что разузнать сии подробности большого труда не составило. Вот я и смекнул: не родственничек ли моего ненаглядного к себе на гастроль позвал? Екнуло сердечко: дай, думаю, попытаю счастья, а вдруг да повезет? Обзвонил знакомых. Нашелся один, со связями в Питере. Дал адресок, телефончик. Приехал я, и к нему: так, мол, и так, выручайте. Ну, мужик неплохой оказался, в мое положение вошел, по своим каналам порыскал и выдал мне интересную информацию. Поведал мне под большим

секретом, что занимается этим самым Севером некто Косталевский, начальник одного из отделов РУОПа.

– Вот как? – насторожился я. – Да, это уже что-то... Есть еще какая-нибудь информация?

– Так, заметки разные... Занимается Косталевский этим Севером уже давно, но не все идет так гладко, как ему хотелось. Что-то там у него не сходится, вот и бесится мужик. Решил я все-таки повидаться с этим полковником. Пришел... Ну а дальше ты видел, чем закончилось...

– Любопытно, – признал я. – Косталевский занимается Севером и при этом интересуется убийством моих внештатников на Васильевском острове. О чем это говорит? По большому счету ни о чем, но задуматься стоит. И версию эту потискать тоже не мешает... Как полагаешь?

– Я так мозгую, – с деревенской хитрецей покосился на меня Заозерный, – что не мешало бы нам наши интересы на время объединить да вокруг этого самого Севера малость покрутиться. Глядишь – и выплывет чего...

– Идея хороша, – согласился я, – тем более что у меня альтернативы и вовсе нет. Есть лишь слабая надежда. У тебя адрес этого Севера есть?

Заозерный взглянул на меня с удивлением:

– Вообще-то это я – приезжий. Был бы у меня в городе, я назвал бы тебе номер дома и квартиры хоть дворника, хоть авторитета... Ты местный, тебе и банковать.

– Беда в том, что Петербург – не Головец, – вздохнул я, – у этого самого Севера может оказаться с десяток квартир, как зарегистрированных, так и на левую тетю оформленных. Но делать нечего: буду искать. Надо бы еще банщицу пощупать. Сердцем чую: выпустят ее скоро, несолоно хлебавши.

– Это можешь мне доверить, – предложил Заозерный, – я с этим контингентом работать умею. Это у вас тут гуманизм и гласность развели, новым министром напуганные, а у нас все еще по старинке, патриархально...

– Ты извини, капитан, но... Я против этого. Веришь или нет, но я за всю свою жизнь ни одного задержанного пальцем не тронул. Нет, я понимаю, что у нас специфика иная, нет тех маньяков и убийц, которых приличный человек отпинать и за грех не посчитает, но все же как-то... не мое это. Не хотелось бы... К тому же женщина...

– Кто сказал хоть слово про рукоприкладство? – удивленно надул толстые щеки Заозерный. – Я сказал про умение работать с этим контингентом, но ни словом про оплеухи не обмолвился. Вы, милейший Вадим Григорьевич, уже совсем нас за лапотников-портяночников держите. Обидно-с.

– Ну, тогда... Завтра ее выпустить должны. Можем к вечеру навестить.

– Зачем же, зачем же? – замахал руками Заозерный. – За это время неизвестно что случиться может. А вдруг она сразу по выходе из КПЗ «сядет в скорый поезд, сядет в длинный поезд ночью соловьиной» и «уедет срочно из этих мест, где от черемухи весь белый лес»? А то и к шефу с информацией побежит? Не-э, этого нам не надо. Уж если брать за жабры, так сразу по выходе. Пусть глотнет свободы, как рыба – воздуха, расслабится, обмякнет. Тут мы ее и подсечем... Вы рыбалкой не грешите, Вадим Григорьевич?

– Бог миловал.

– Напрасно. Большие ассоциации с жизнью сие увлечение имеет. Да и времени для дум очень много. Очень повышению фантазии и рассудительности способствует. Про терпение я уже и не говорю... Стало быть, на том и порешим? У вас машина есть?

– Есть.

– Отлично. Узнайте завтра, во сколько выпускают банщицу, позвоните мне в гостиницу – вот телефон, – и начнем помяться. Договорились?

– Вот она, – указал я Заозерному на высокую, угрюмую женщину, выходящую из здания.

– Подъезжай к ней вплотную, – скомандовал он и, когда я выполнил требуемое, распахнул дверь.

– Уголовный розыск, – представился он, мазнув воздух удостоверением. – Токарева Виктория Павловна? Присаживайтесь, у нас к вам есть вопросы.

– Да вы что, спятили совсем?! – распугивая прохожих, сорвалась на крик женщина. – Меня только что выпустили! Вы уже между собой договориться не можете? Никуда не поеду!

– Поедете-поедете, – сладким голосом пропел Заозерный, выбираясь из машины и цепко беря ее за локоть, – у коллег наших к вам одни вопросы, у нас другие... Вы думали, все так просто? Навешали лапшу на уши, и все? Нет, матушка моя, придется оставить мысли о благополучном исходе. Мы ведь как: не мытьем, так катаньем...

– Ордер покажите, – хмуро сказала она.

– А это не арест, – сообщил Заозерный, – это обычное задержание по подозрению... Можете потом жалобу составить, мы не возражаем. – И уже другим, официальным тоном скомандовал: – В машину! Ты мне еще сопротивление оказать попробуй... Ну! Быстро!

Вздыхнув, женщина села на заднее сиденье. Капитан втиснулся рядом. До отдела ехали молча, только время от времени в зеркале заднего вида я ловил ее настороженный и ненавидящий взгляд.

– Где у вас тут побеседовать можно... Без свидетелей? – спросил Заозерный, плотоядно глядя на угрюмую банщицу.

– Если Беликовой нет, то у меня. – Я показал кабинет.

– Ты покури пока, – попросил капитан, убедившись, что кабинет пуст, – а мы с дамой побеседуем малость... За жизнь...

– Но...

– Все будет нормально, – заверил Заозерный, закрывая дверь перед моим носом.

Вздыхнув, я вытащил из пачки сигарету и, прикурив, привалился к дверному косяку, готовясь к долгому ожиданию. Когда я прикуривал новую сигарету от окурка старой, в конце коридора показалась массивная фигура моей соседки по кабинету.

– Боже мой, Вадик, знали бы вы, какое счастье вас видеть, – на одесский манер растягивая слова, сообщила мне Беликова.

– Почему? – удивился я.

– Хотя что-то в этом отделе стоит столбом, – заявила она, рассматривая меня с нарочитой плотоядностью.

Невзирая на мрачное настроение, я невольно улыбнулся. Катю Беликову я, без лишнего преувеличения, обожал. Это был прекрасный человек с невыразимо страшной судьбой. Пятидесятилетний подполковник с фигурой и внешностью Нины Усатовой и горьким остроумием Фаины Раневской. Так мы иногда и называли ее между собой: «Наша Фаина». Она не обижалась. Матерщинница, остролов, умница и невероятно, немыслимо добрый человек, она, как я и Григорьев, стояла у самых истоков создания «полиции нравов». Первая встреча с ней всегда была для человека шокирующей, вторая – желанной. Не любить эту сумасбродную, мудрую сквернословку было просто невозможно. Но, к сожалению, именно таким женщинам чертовски не везет в личной жизни.

«Фаина» никогда не была замужем. Как она выражалась: «Несколько раз пыталась, но размеры не подходили мне по всем стандартам». Наверное, все же мы, мужчины, изрядные сволочи. Предпочитаем ярких красоток с тусклым характером и панически боимся характеров ярких, самобытных. Я иногда пытался понять: а смог бы я взять в спутницы женщину такой яркости, будь она лет на тридцать моложе, и с презрением к самому себе понимал – нет, не смог бы, испугался бы раствориться в ней, не удержать, не вынести контраста. Кстати, сама Беликова была создана именно из контрастов. Редкий знаток поэзии Серебряного века, она с детской увлеченностью перелопачивала сотни «женских детективов» – литературу несовме-

стимулю. Увлеченно читала, возмущаясь время от времени: «Глупость какая! Это ж какая дура так пишет?» Переворачивала обложку, смотрела на фотографию, качала головой: «А с виду – приличная женщина», – и вновь шуршала страницами.

Ненавидела готовить и готовила бесподобно. Презирала современные нравы и жалела проституток... Да что говорить – о ней не расскажешь. Ее надо знать. Когда у меня умер отец, Катя на несколько часов уехала из отдела, а вернувшись, протянула мне толстую пачку денег: «Отдашь, когда сможешь». А потом я узнал, что она заложила фамильные серьги. Она была из Одессы, армянка по матери, дворянка по расстрелянному большевиками прадеду, и в целом мире у нее не было никого, кроме двух безродных собак и тощего, вечно пропадающего на улице кота...

– Вызывает меня сейчас Григорьев, – жизнерадостно сообщила она мне, прикуривая папироску с ловко смятой гильзой, – в документах я напортачила. Ну, думаю, отымеет сейчас по первое число... Ты бы видел, как я бежала к нему в кабинет! И что? Посмотрел на меня грустно: переделайте, говорит, Екатерина Юрьевна, душевно вас прошу... Нет, все-таки мужчины – сволочи! И опять в моей сексуальной жизни беспросветно, как у дяди Тома в... этой... в хижине! А ты что здесь стоишь, как Мальчиш-Кибальчиш от «сферы сексуальных услуг», способный день простоять и ночь продержаться?

– Да вот...

Объяснить я не успел: в кабинете послышался такой звук, словно кто-то что есть мочи вlepил мокрым полотенцем слону по заднице. Беликова внимательно посмотрела на меня и, решительно отодвинув с дороги, прошла в кабинет. Я вынужден был последовать за ней.

В кабинете друг против друга, разделенные столом, стояли Заозерный и Токарева. Капитан машинально прижимал ладонь к своей покрасневшей физиономии.

– Оказывается, в отличие от меня есть женщины, способные твердо сказать «нет», – саркастически заметила Беликова, – и что здесь происходит, позвольте вас спросить?

– Это банщица той самой сауны, – обреченно пояснил я, – с Васильевского... Она должна знать девочек... бывших там...

– Да-а, Вадик, – укоризненно протянула Беликова, – не ожидала от тебя.

– Здравствуйте, Екатерина Юрьевна, – неожиданно для меня поздоровалась с Беликовой банщица, – давненько не виделись...

– Что люди? Горы и те друг с другом сходятся... Если водка не паленая, – философски откликнулась Беликова и, повернувшись ко мне, скомандовала: – Поди прочь! И это «братское чувырло» с собой забрать не забудь, – брезгливо ткнула она пальцем в Заозерного.

Понурившись, мы покинули кабинет.

– Ну и что? – уныло спросил я в коридоре.

– Что-что... Сволочь, а не баба, – в тон мне отозвался капитан, – не бить же ее, в самом-то деле... Хотя иногда так хочется! Именно женщину, именно сапогом по морде... Я – садист?

– Идеалист, – попытался пошутить я. На душе было гадко. Время текло издевательски медленно. Наконец дверь распахнулась, и мимо нас с гордым видом прошествовала Токарева. Заозерный инстинктивно дернулся следом, но я удержал его за рукав:

– Не надо...

В кабинете, стоя перед зеркалом, Беликова примеряла шляпку какого-то совершенно чудовищного фасона. Это была еще одна ее страсть: замысловатые, давно вышедшие из моды шляпки немыслимых форм и размеров.

– Что, красота – это страшная сила? – подхалимским голосом поинтересовался я.

– Не подлизывайся, Мартынов, все равно не прошу, – отрезала она, не отрывая взгляда от своего отражения и поворачиваясь из стороны в сторону. – Я поняла, чего здесь не хватает – вуали!

– Зачем?

– Мальчик! – презрительно посмотрела на меня Беликова. – Что ты понимаешь в охоте на мужчин? Под покровом вуали подкрадываешься к самцу, неожиданно откидываешь ее в сторону и, пока мужчина в обмороке, быстро тащишь его к себе...

– Екатерина Юрьевна, – продолжал подхалимствовать я, – поверьте, я люблю вас без всяких вуалей...

– Ты меня еще голую не видел, – с горделиво-угрожающими нотками сказала она, – ладно, подхалим... В РУВД Васильевского острова остался блокнот, изъятый в той сауне, найдешь в нем контору, озаглавленную «Синий бархат», под ней написаны три телефона. Последний – тот, что тебе нужен. Девочку зовут Света Бондарева. Рыженькая, семнадцати лет. Вторая – ее подруга, приходила впервые, имени банщица не знает. Но клянется, что ни та, ни другая к убийству отношения не имеют. Как, кстати, и она сама. Я ей верю.

– Катенька! – Я даже слов не мог подобрать, только руками развел.

– Ладно-ладно, – поморщилась она, – беги, узнавай адреса... И послушай доброго совета: всегда думай, что делаешь...

Для того чтобы узнать адреса девушек, нам с Заозерным пришлось разыграть целое представление. Для начала из его гостиничного номера мы позвонили в агентство «Синий бархат» и попросили прислать нам «рыжеволосую девочку, которая понравилась нам в прошлый раз, кажется, ее зовут Света». Диспетчер нежным голосом посочувствовала, что это в данный момент невозможно, и предложила воспользоваться услугами «не менее симпатичных и раскрепощенных». С неподдельным сожалением мы вынуждены были согласиться. Заверив, что «заказ будет исполнен в течение получаса», девица положила трубку.

– Будем ждать, – голосом рекламного Добрыни констатировал Заозерный, – только сдастся мне, они уже давно... тютю... От греха подальше.

– Лишь бы их не того... «тютю»... в ближайшее озеро, – выразил я опасение, – если дело касается таких персон, как Север, возможны совершенно разные варианты.

– Не сам же он там был, а ради мелочи на мокруху не пойдет – я этот контингент знаю... Послушай, Вадим, я тебя вот о чем спросить хотел... Только ты не обижайся, хорошо?

– Да вроде не из обидчивых. Спрашивай.

– Ты в своей работе не разочаровался? Я в том смысле, что пашешь-пашешь, а шлюх этих все больше и больше? Даже я, занимаясь криминалом, отлавливая насильников всяких, убийц и ворюг, и то, бывает, задумываюсь: воду в решете ношу... Каково же вам?

– Я об этом не думаю, – признался я, – делаю свое дело, и все. Мы не сможем победить ни преступность, ни проституцию карательными мерами, в этом герой «Эры милосердия» прав. Сейчас по всей стране ищут «национальную идею»... Дебилы! Образование и воспитание – вот и идея, и спасение. Я вообще считаю, что самый важный человек в мире – учитель. Не политик – не к ночи будет помянут! – не милиционер, не финансист или даже врач, а учитель. Вся гадость на земле, вся мерзость растет от необразованности и невоспитанности. У нас уже стерлись грани того, что хорошо, а что плохо. Ведь так легко девочке заработать на новые колготки: пойти и встать на трассу. Так легко лечь под шефа или под нужного человека.

Это раньше было стыдно, а теперь так делают все... Сейчас растет поколение «перестроенных» детей. Как нам это аукнется в старости! Безнравственные книги, безнравственные фильмы – они научат их тому, как надо с нами поступать в старости, за то, что мы с ними сделали в молодости. Тысячи, десятки тысяч проституток, и мы – шесть человек... Да даже если бы нас было шесть тысяч – все равно не было бы пользы. Нужна мораль. Необходимо, чтобы девочка, выходящая на трассу, ясно понимала, что это – плохо и стыдно. Понимаешь? Я путано говорю, я не оратор, я только могу назвать причину, используя свой опыт. В нас усиленно вбивают культ денег. Теперь писателем или художником быть как-то... жалко. А бизнесменом или политиком – мощно. Так всегда бывает в периоды упадка. Посуди сам: в начале

двадцатого века самая дешевая проститутка зарабатывала около сорока рублей в месяц, тогда как фабричная работница получала около двадцати рублей.

Самая дорогая шлюха могла заработать в борделе от шестисот рублей и выше. Сейчас девочки на трассе получают от пятисот до тысячи рублей в день. В салонах – в два-три раза больше. Все газеты пестрят объявлениями: «Приглашаются на работу в салоны девушки. Зарплата от двух тысяч долларов в месяц». Врач получает сто-двести долларов. Картограф высшего класса – сто долларов. Милиционер – сто пятьдесят. Секретарша – двести-триста. Да что говорить – ты все сам знаешь... Мы пытаемся перекрыть самые страшные участки: детское порно, детскую проституцию, притоны. А в целом... В целом надо четко и ясно сказать: страна в жутком кризисе. Период упадка, разложения. Давайте выкарабкиваться. Для начала хотя бы определиться с приоритетами. Четко определить, что военный, врач, учитель – это престижно и благородно.

А спекулянт, пусть он и во фраке, пусть и на «мерседесе», – все равно всего лишь спекулянт... Что милая и уставшая бухгалтерша – в десять раз честнее и чище расфуфыренной шлюхи в новенькой «тойоте». Да пусть это будет горько, но это будет правдой. Скажем, наконец, что литература – это все же Пушкин, Достоевский, Шекспир, а современные детективы и боевики – всего лишь читиво. Что многочисленные передачи по телевизору полны глупостей и пошлятины, а мы не можем докричаться до режиссеров: «Хватит! Утомили!» И наконец, на старый вопрос: «А судьи кто?» – скажем: «Мы – судьи». Например, я. Я живу в этой стране. Я делаю все, что могу, чтобы в ней стало лучше жить. И мне не нравится то, что в моей стране происходит.

– Да, – задумчиво протянул Заозерный, – звучит печально, особенно в свете того, что нас ждет. Попробуй сейчас объяснить тем девам, которые сюда придут, что заниматься проституцией – плохо... Не пробовал?

– Поначалу пробовал, – признался я, – когда был еще молодой и глупый. Они мне отвечали, что голодают, что муж погиб, а ребенка кормить надо, что бандиты на счетчик поставили за чужой долг... Много чего наслушаешься. А приходишь к ним домой – полная чаша. Родители, узнав, чем дочь занимается, аж в ступор впадают... Много иногородних. Приехали поступать в институты – не вышло, а работать фасовщицами или продавщицами не хочется, как не хочется возвращаться в свои нижнесобачински и смердиловки. Нет, Виктор, только мораль, образование, воспитание... А это долгий процесс. Мы с тобой уже не доживем. А вот последствий перестройки хапнем полной грудью.

– Знаешь, иногда смотрю я на девиц, что вдоль дороги стоят, – сказал Заозерный, – на фотографии в журналах всевозможных «Досугов» и «Знакомств» всяких – и сердце щемит. Столько симпатичных, хорошеньких мордашек... Умных, чистых... И думаешь: как же так? Ну как же так, а? На улице ведь встретишь – не поймешь. Будешь относиться как к нормальной девушке... Не дай бог – влюбишься...

– Да разве в проститутках дело? – удивился я его провинциальной наивности. – Растет какая-нибудь Олеся в маленьком городке, мать на нее не нарадуется, одноклассники влюбляются, а приехала в город и стала шлюхой – это что, вдруг? А жены, гуляющие от своих мужей так, как гуляют от них мужья? Это ж стало престижным: завести пару любовников, чтобы содержали. А куча легальных клубов «по интересам»: садистов, мазохистов, лесбиянок, любителей группового секса? Моисеевы, Пенкины, «Тату» – на экране – это нормально? Не делай из проституток монстров. Кто такие проститутки? Женщины, продающие свое тело за деньги. А если за карьеру? Или за новую шубу? Или просто ради удовольствия или любопытства? Это – кто? Я столкнулся недавно с уникальным случаем. Клянусь: реальная история. Есть у меня знакомый, весьма обеспеченный молодой человек, занимается экспортом сырья. Замечу сразу: из хорошей семьи, симпатичный, молодой, физически здоровый во всех смыслах. И вот однажды, после заключения сделки, отправились они с компаньонами в сауну – расслабиться.

Взяли журнал «Знакомства», позвонили в агентство, и... по вызову приехала его жена. Это не анекдот, не шутка – это было с человеком, которого я хорошо знаю. Что девочке не хватало? Муж не жлоб был: тачка у нее личная, шмотки, деньги, да и свободы, как оказалось, он ей излишне много давал.

– Может, в постели не устраивал?

– Все там было нормально. Как она потом объяснила – попробовать новых ощущений захотелось. Столько слышала, невольно представляла, и вот – решилась... Не в первый раз, кстати. Нет, Виктор, проституция не причина. Проституция – показатель.

Меня прервал продолжительный звонок в дверь.

– Встречай гостей, – сказал я Заозерному, – меня они могут знать в лицо, а бегать за ними по этажам я староват.

Минутой спустя в комнату вошли три девушки в сопровождении долговязого хлюпика, номинально изображавшего охрану. Заозерный незаметно встал за их спиной у двери, перекрывая путь к отступлению.

– Девочек вы заказывали? – стараясь придать своему голосу небрежную солидность, поинтересовался долговязый.

– Мы, мы, – подтвердил я, – а ты, наверное, первый раз в сопровождении?

– Почему первый? – насторожился долговязый.

– Тебя с правилами знакомили? Ты должен войти первым, убедиться во вменяемости клиентов и безопасности обстановки. Вдруг здесь куча «черных», которые запрут тебя в ванной комнате, а девочек уестествят самым непотребным образом... А ты ломишься, как слон в посудную лавку.

– Вы платить будете? – обиделся долговязый. – Заказывали, так принимайте заказ, нет – так мы пойдем.

– И платить не будем, и уйти никому не позволим, – вздохнул я, вытаскивая удостоверение, – третий отдел – «полиция нравов».

Долговязый затравленно оглянулся на застывшего в дверном проеме Заозерного и как-то разом сник, словно шарик, из которого выпустили воздух. Девушки в отличие от него в лице не переменились – профессионалки.

– Этих – в соседнюю комнату, – сказал я, указывая на жриц любви, – а с многоуважаемым сутенером мы будем работать. Долго и вдумчиво.

– Я не сутенер, – запоздало протестовал долговязый, – я здесь случайно оказался. В гости к знакомому зашли. Денег не брали, услуг не оказывали.

– Поздно, – отрезал я, наблюдая, как Заозерный закрывает за девушками дверь, – попал ты, парень, под раздачу. Если бы хотели, то и деньги бы отдали и услугами... гм-м... воспользовались. Нет такой надобности. У нас к тебе другое дело.

– Я могу позвонить?

– Нет. Кстати, все вещи из карманов положи на стол. Телефон, ключи, документы... В машине еще кто-нибудь есть?

– Нет, – угрюмо отозвался он, выкладывая на стол содержимое карманов. – Я за рулем был, вот ключи.

– Плохо, что ты в нашем деле новичок, – посочувствовал я.

– Почему?

– Было бы легче договориться, – откровенно пояснил я, – профессионал – он на то и профессионал, что опытный, рассудительный и не такой шуганый. А ты как... морковка зеленая...

– Не бывает зеленой морковки, – исподлобья глядя на меня, сообщил долговязый, и я понял, что разговор состоится.

Взял его водительское удостоверение, пролистал электронную записную книжку в сотовом телефоне, вернул все владельцу и жестом указал на кресло:

– Присяживайся. Начнем.

Через час из собранной по крупицам у охранника и девушек информации мы смогли составить первичную картину.

Агентство «Синий бархат» – это около дюжины девочек по вызову, три охранника-водителя, два сменных диспетчера и «руководитель», некая Татьяна Ивановна. «Крышей» являлся какой-то Слон. Кто он, ни охранник, ни девушки не знали, да нас это и не интересовало, по большому счету. От новичка-охранника многого ждать не приходилось, а вот девушки смогли припомнить нечто, для нас полезное. Оказывается, Татьяна Ивановна имела старую договоренность с истинной владелицей сауны – не тем подставным вусмерть запуганным директором, которого терзали в Василеостровском РУВД, а настоящей маленькой хозяйкой большого дома по имени Таня. Одна из девушек видела ее пару раз и сумела довольно толково описать.

По ее словам выходило, что эта сауна – не единственное достояние загадочной Татьяны. На наше счастье, девушка припомнила, что бывала на еще одной точке, принадлежащей этой Тане, – в сауне неподалеку от станции метро «Автово», – и сумела внятно обрисовать расположение дома. А вот с самым важным объектом нашей охоты вышел полный облом. Домашний телефон Светы Бондаревой мы получили, как узнали и фамилию ее подружки – Юли Поповой, но девочки в один голос заверяли, что в городе мы их не найдем. Оказывается, пару дней назад интересующим нас девчатам неожиданно было сделано крайне выгодное предложение о работе за рубежом, и, не откладывая дело в долгий ящик, они в один день собрались и уехали, не оставив подружкам даже приблизительные координаты, и, хоть эта информация требовала тщательной проверки, я чувствовал, что девушки не врут.

– Что скажешь? – спросил я у Заозерного, когда счастливые участники «эскорта» были отпущены восвояси.

– М-да, – посетовал он, – негусто.

– Наоборот! – оживленно заверил я. – Мы получили куда более надежную линию следствия, нежели предыдущая. Вариант со свидетельницами-проститутками с самого начала казался мне тухлым. Ну, видели они что-то, ну, смогли бы описать внешность убийц... Но это ведь куда более полезно для «закрепления» уголовного дела, нежели для его раскрытия. Этих девиц мы рано или поздно найдем. Сомневаюсь, что их чиркнули бритвой по сахарному кадычку и опустили в ближайший колодец, – судя по всему, мы имеем дело с рачительным хозяином, а такой материалом не разбрасывается. Да и к чему? Крайне проблематично будет отловить этих девиц, скажем, в Израиле, который является «могилой» для дурех куда более надежной, нежели даже Арабские Эмираты или Саудовская Аравия.

Там умеют «похоронить» так надежно, что белый свет уже не увидишь. И все же мы попытаемся их найти, хотя на это уйдет столько времени, что в лучшем случае они поспеют как раз к суду. А вот хозяйка сауны... Это – вариант.

– Чем же она тебя так заинтересовала?

– Она просто обязана быть в курсе того, что происходит на ее территории. Руку даю на отсечение – она знает, что именно произошло в тот день. Надо только придумать, как получить от нее эту информацию.

– Несколько странное рассуждение для сыщика, – пожал плечами Заозерный, – отказаться от поиска явных свидетельниц и броситься по следу очередного промежуточного звена. Ты же не полагаешь, что эти сауны и впрямь принадлежат ей?

– В этом ты прав, – согласился я, – но именно такие, как она, напрямую и докладывают хозяину о происшествиях. Она должна была попытаться выяснить, что там произошло. Я даже думаю, что это именно она отправила девочек подальше отсюда и приказала баннице молчать во что бы то ни стало. Нет, я уверен – она должна что-то знать. А значит, и встретиться с этой леди отнюдь не помешает.

– Думаешь, что-то скажет?

– Ни в коем случае! Но разве мы будем спрашивать? Мы вычислим ее и посмотрим... как мы можем получить эту информацию. По крупинке, по кусочку будем складывать эту мозаику в единое целое. Работать будем, Виктор. Работать! Ноги по колено в беготне сотру, но до истины докопаюсь!..

Поработать и вправду пришлось. И как поработать! Я делал засаду за засадой, сужая круг работавших на загадочную, но столь необходимую мне Татьяну. Начав с сауны у метро «Автово», я постепенно вычислил еще пять принадлежавших ей притонов. Я разговаривал с водителями, охранниками, подставными директорами, путанами, банщицами... Информацию пришлось собирать буквально по крупинкам. Но если человек занимается бизнесом такого масштаба, он просто не может не оставлять следов. На поиски у меня ушло пять дней плодотворной работы. Спал я по три-четыре часа, но смог-таки похвастаться во время очередной встречи с Заозерным:

– Я нащупал ее! Яковлева Татьяна Игоревна, двадцать восемь лет, не замужем, детей нет, родилась и проживает в Петербурге – адрес у меня есть. Официально – неработающая. Неофициально – владелица семи саун в черте города, трех мотелей в пригороде, четырех кафетериев и одного ресторана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.